

Томас Прест
Джеймс Раймер

ВАРНИ-ВАМПИР

Книга 2

Продолжение
приключения крови

Варни-вампиры

Томас Прест

Продолжение праздника крови

«Остеон-Групп»

1847

Прест Т.

Продолжение праздника крови / Т. Прест — «Остеон-Групп» , 1847 — (Варни-вампир)

Перед вами вторая книга романа классиков жанра мистического триллера Т. Преста и Дж. Раймера о ледящих душу похождениях вампира Варни, терроризирующего почтенное английское семейство. Но на пути у него встают простые, немного грубоватые и невежественные, но честные люди. Они вступают с Варни в отчаянную и бескомпромиссную схватку.

Содержание

Предисловие авторов	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	36
Глава 7	47
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Томас Прест, Джеймс Раймер

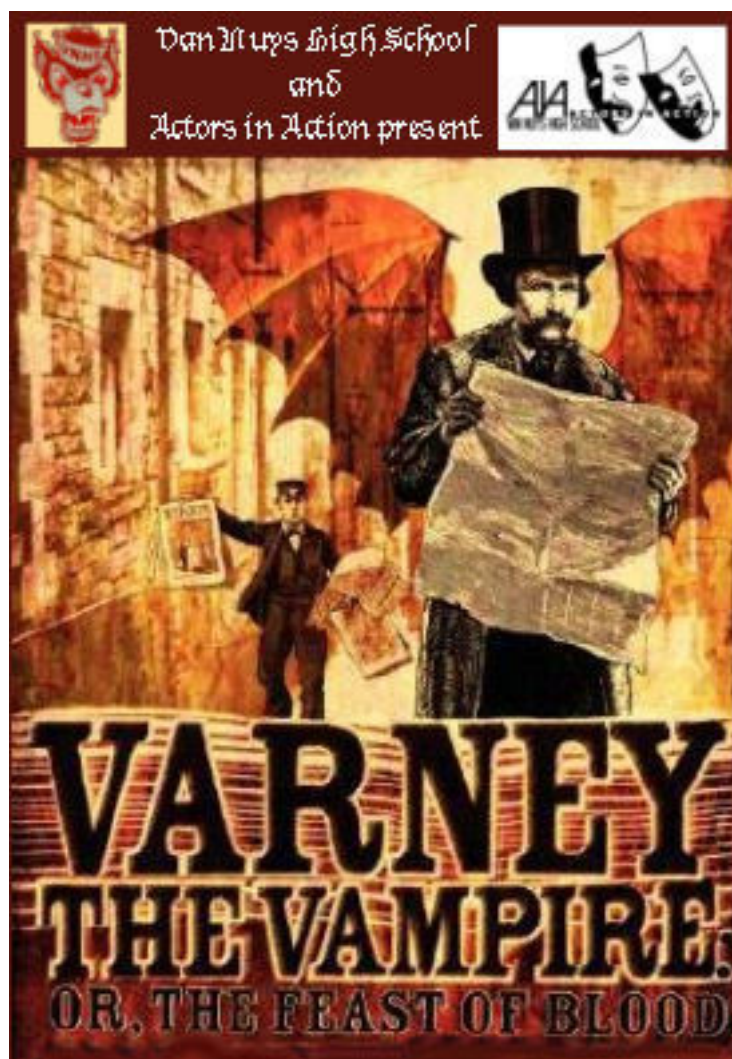
Продолжение праздника крови

Предисловие авторов

Беспрецедентный успех романа «Варни Вампир» позволяет авторам быть скромными и немногословными. Они с благодарностью принимают лавры известности, как и каждый из тех, кто был обласкан благосклонностью публики.

Вера в существование вампиров впервые возникла в Норвегии и Швеции, откуда она быстро переместилась в южные регионы Европы и крепкой хваткой захватила воображение наиболее легковерной части человечества.

В данном романе использовались сведения из самых источников, однако авторы оставляют вопрос доверия на рассмотрение читателей и не смеют выставить свое собственное мнение относительно этой темы.

Описывая жизнь несчастного Варни, мы постарались изложить все подробности, которые могли бы пролить свет на его необычную карьеру. А следует заметить, что факт его

смерти наделал много шума по всей Европе и неоднократно обсуждался в прессе на протяжении 1713 года.

И вот, ограничив себя этими краткими замечаниями, авторы и издатель отдали сей труд на суд публики, которая взяла роман на пробу и оценила его выше наших самых оптимистических ожиданий. Это послужило прекрасным стимулом для создания других произведений, которые, как мы надеемся, окажутся достойными такой публичной поддержки и дружеского патронажа.

Кроме того, авторы выражают особую благодарность «Метрополитен Пресс» за похвалу и помощь в работе.

*Томас Прест, Джеймс Раймер.
Лондон, сентябрь 1847 год.*

Глава 1

Странное свидание. – Ухаживание за женщиной в усадьбе.

Сэр Френсис Варни шел с самым мрачным внешним видом, который только мог быть у человека, хотя, возможно, говоря так громко, мы используем сравнение, особенности которого вряд ли позволяют нам его делать; потому что кто бы сказал, что этот странный мужчина, вокруг которого эта вся атмосфера таинственности, казалось, постоянно нарастала, был человеком?

Поскольку мы не расположены верить в сверхъестественное, или даже окружать человеческое существо любыми сверхъестественными силами, странные факты и обстоятельства, окружающие существование и действия этого человека, еще сильнее заставляют приходить на ум что-то вроде вызывающего трепет убеждения, что если он и смертный, то, по крайней мере, он должен располагать некоторыми способностями, выходящими за пределы способностей простых смертных, и что он бродит по земле с какими-то нечестивыми целями, такими, о которых обычный человек с обычными атрибутами человеческой природы вряд ли может предполагать.

Тихо и одиноко шел он по этому прекрасному деревенскому пространству, изучая это красочное очарование гор и долины, которая простиралась между его домом и поместьем Баннервортов.

Он, было ясно, намеревался достичь этого места самым коротким, из всех возможных, маршрутом, и в темноте той ночи, потому что луна еще не вышла, было видно, что он не был знаком с запутанностью этой местности, и что он вообще способен пройти неотклоняясь этот путь, который он выбрал.

Он часто тихо бормотал себе под нос неразличимые слова в процессе ходьбы, и вообще относились ли они к той странной встрече, которая у него была так недавно, с тем, о ком, по стечению обстоятельств, вряд ли можно было узнать, что он имеет такой мощный контроль над ним, и мог потребовать его денежные ресурсы таких потрясающих размеров.

И хотя по отдельному слову или двум, которые были произнесены более отчетливо, нельзя было сказать, что он думал об этой встрече со злобой, но было видно, что она, скорее, напоминала ему о болезненных и унижающих обстоятельствах, которые время не было способно полностью стереть из его памяти.

«Да, да, – сказал он, когда остановился в месте, где заканчивался лес, в который он, или то, что казалось, что это был он, был загнан Маршделом и Баннервортами, – да, тот же вид, при котором человек вспоминает все пугающие действия ужасной трагедии, которую я никогда, никогда не забуду.»

Никогда не покинет мою память это страшное и ужасное событие. Этот вид может напомнить моему разуму все вселяющие страх подробности и нарисовать моему воображению, в самых ярких красках, каждую мельчайшую деталь, связанную с тем временем агонии.

Те периодические визиты очень сильно волнуют меня. Месяцами я страшился их, и месяцами я очень медленно отходил от шока, в который они меня ввели. «Ну еще разок, – говорил он, – ну еще разок, а потом мы больше не увидимся. Хорошо, хорошо. Быть может до тех пор, пока не придет время, я смогу удерживать у себя те денежные средства, которые помогут мне предотвратить его визит, и, таким образом, по крайней мере освободить меня от сильной боли, вызванной ожиданием его».

Он остановился у границы леса и смотрел в направлении поместья Баннервортов. Благодаря тусклому свету, который еще исходил от светлого неба, он мог различить старинные фронтонные стороны и окна в виде башенок; он мог видеть хорошо ухоженные сады, рощу величавых елей, которая закрывала их от северных порывов ветра, и когда он смотрел, им

овладело сильное чувство, такое, о каком никто не мог предположить, чтобы оно хоть на мгновение овладело телом того, кому люди могли вряд ли посочувствовать.

«Я знаю это место, – сказал он, – и мое появление здесь в то богатое событиями время, когда страх моего приближения вызывал у людей желание убить себя, как было в ту ночь, когда все было так тихо и спокойно вокруг, и когда тот, кто, при малейшей тени моего присутствия думал, что лучше бежать прочь сломя голову, чем удостовериться, что это был я.

Да будут прокляты те обстоятельства, которые так расстраивали меня! Я должен был быть самым богатым. Я должен был обладать средствами, которые бы вызывали лесть у тех, кто сейчас относится ко мне с пренебрежением, но такое время еще может прийти. У меня еще есть надежда, и та мощь, иметь которую я всегда страстно желал, моя сила, подобная силе мага, которая может дать единоличное обладание большими богатствами, все еще моя».

Сильнее затягивая свой плащ он зашагал вперед этим длинным бесшумным шагом, который был обычен для него. Он, по-видимому, механически преодолевал препятствия в виде преграды и канавы, которые были на его пути. Очевидно, он часто ходил этой дорогой, иначе он бы не смог так легко идти по ней.

А теперь он стоял у насаждений, которые в определенной степени защищали от вторгающихся, внутренние сады поместья, там он остановился, как будто им овладело чувство нерешительности, или возможно, и это в самом деле можно было подтвердить его последующим поведением, что он пришел без всякого твердого намерения, или если и с твердым намерением, то без какого-либо четкого плана достижения цели.

Думал ли он опять о вторжении в какую-либо из комнат этого особняка, с ужасным внешним видом этой страшной твари, с которой слишком сильно идентифицировали его жители этого особняка? Он был бледен, истощен и дрожал.

Могло ли быть так, что так скоро стало необходимо обновить источник жизненной силы в его венах страшным способом, каким, предположительно, делает это род вампиров, вынужденный продлевать свое жалкое существование.

Могло быть и так, что он даже размышлял о том, как опять он мог бы разжечь огонь бешенства в мозгах той прекрасной девушки, которую он уже сделал такой необратимо несчастной.

Он прислонился к старому дереву и его странные блестящие глаза, казалось, собирали каждое блуждающее мерцание света, который был вокруг, чтобы сиять с неестественной силой.

«Я должен, – сказал он, – я стану хозяином поместья Баннервортов. Это должно быть так. Я пожертвую собой ради обладания им и оно будет моим, и тогда я, разбирая кирпич за кирпичом и камень за камнем, открою тот скрытый секрет, о котором не мечтает никто кроме меня. Это будет сделано посредством мошенничества, любви или отчаяния, не важно; цель оправдывает любые средства. Да, даже если придется пройти через кровь к моей мечте, я говорю: это будет сделано».

Эта ночь была наполнена благочестивой и тихой тишиной, которая была очень непохожа на ураган злобной страсти, который в этот момент усиливался внутри этого страшного человека. Ни малейшего звука не исходило из поместья Баннервортов, и только иногда где-то вдали в ночном пространстве лаяла какая-то сторожевая собака, или мычал скот.

Стояло безмолвие и только глубокие мрачные мысли этого человека, если он был человеком, посылали такой же мрачный импульс в спокойное пространство вокруг него. Прогулочным шагом, как будто ему было все равно, шел ли он в нужном направлении или нет, он все же шел по направлению к дому. Вот он уже стоял у этого маленького летнего дома, который когда-то был таким милым укромным местечком, в котором влюбленная Флора общалась с тем, кого она любила с преданностью, неизвестной посредственным умам.

С этого места почти не было видно дома, так сильно был он окружен вечнозелеными растениями и цветущими цветами, что казался дикой природой, которая, совершенно естественно, выдавала в изобилии самые бурные цветочные красоты.

Ночной воздух в этом месте и вокруг него был наполнен благоуханием. Смешанные ароматы многих цветов делали это место очень похожим на рай. Но как не были схожи эта красота и совершенство природы с тем, кто стоял посреди этой красоты! Неспособным оценить ее нежность, или получить хоть какое-то моральное удовлетворение от ее великолепия.

«Зачем я здесь? – сказал он себе. – Здесь, без твердого намерения и четкой цели, как какой-то скряга, который спрятал свои богатства так глубоко в недра земли, что уже не надеется, что он их когда-либо вновь откапает. Я парю вокруг этого места, которое я чувствую, которое я знаю, которое хранит мои сокровища, хотя я не могу прикоснуться к ним и ликовать от блеска их красоты.»

В тот момент, когда он говорил, он пригнулся, как какое-то виновное существо, потому что услышал отчетливый звук шагов на дорожке сада. Шаг был таким легким, таким слабым, что если бы это было днем, то жужжание летних насекомых заглушило бы звук, но он услышал его, этот преступник, этот человек с нечестивыми и мрачными мыслями. Он услышал его, и он притаился за кустами и цветами, чтобы быть полностью невидимым от чужого взгляда посреди мира благоухающих ароматов.

Был ли это кто-то также как и он тайно крадущийся через это место, непрощенный и неизвестный? Или это был кто-то, кто видел как он вторгся в частные владения, на эту унылую территорию, и кто шел убить его? И несмотря на то, что он возможно был вампиром, он все еще мог быть убитым безжалостными руками.

Шаги приближались и он прижимался все ниже, пока его трусливое сердце не стало биться о землю. Он знал, что он был безоружен, такое с ним редко бывало, и шел потому, что его разум потревожил визит этого странного человека в его дом, чье присутствие вызвало так много противоречивых эмоций.

Эти шаги приближались все ближе и ближе, и его глубокие страхи не дали ему понять, что эти шаги были легкими не потому, что были шагами крадущегося врага, а благодаря легкости природной грациозности и свободы движений того, кто их производил.

Должно быть взошла луна, хотя и скрытая облаками, через которые проходило ее тусклое свечение, потому что ночь стала заметно светлее; не было четких теней, распространившаяся яркость осветила все предметы, их контуры казались неподвижными и смешивались друг с другом.

Он напряженно посмотрел в направлении, откуда происходили эти звуки, затем его страхи за свою личную безопасность исчезли, потому что он увидел, что это была женская фигура, которая медленно приближалась к нему.

Его первым импульсом было подняться, потому что с первого взгляда он понял, что это должна была быть Флора Баннерворт, но вторая мысль, с удивлением вопрошающая, что бы могло привести ее в это место в это время, сдержала его, и он остался неподвижен.

Но если видеть Флору Баннерворт в такое время в этом месте, для сэра Френсиса Варни было большим сюрпризом, мы не сомневаемся также, что со знаниями, которые наши читатели имеют о ней, их изумление будет как минимум таким же как и его. И когда мы задумываемся, то понимаем что после того полного событиями времени, когда неприкосновенность ее комнаты была нарушена этим страшным полуночным посетителем, было удивительно, что она могла набраться достаточной смелости, чтобы разгуливать в одиночестве в такой час.

У нее не было страха встретить это внеземное существо? Разве вероятность того, что она может попасть в его безжалостные лапы, не приходила ей на ум, содрогая сознание тем, что это может произойти?

Была ли у нее мысль, что каждый шаг, который она делала, уводил ее от все дальше и дальше от тех, кто мог помочь ей в минуту опасности? Видимо нет, потому что она шла вперед, не принимая во внимание и, вероятно, не думая о присутствии вероятном или возможном, этого отравителя ее жизни.

Но давайте опять посмотрим на нее. Как странно и призрачно она движется вперед; в выражении ее лица нет ни тени задумчивости. Этим странным и скользящим шагом она движется как неясная тень прошлого в этот древний сад.

Она очень бледна, на ее бровях нет ничего, показывающего, что она страдает; ее одежда – это домашнее платье, оно сидит на ней легко, и она движется к этому летнему дому, который, возможно, был очищен тем, что был свидетелем тех молитв, которые исходили с губ Чарльза Голланда, чья судьба была такой большой загадкой.

Может мозгами этой прекрасной девушки в самом деле овладело безумие? Может быть сильный интеллект был подавлен тем воздействием, которому он подвергся? Может быть ее ведет вперед больной рассудок, ее, королеву фантастического королевства, обзирающую материальный мир неземными глазами; не помнящую, возможно, того, что ей нужно было вспомнить, и, быть может, в своем безумии, ищущую то, чего в более трезвом рассудке она бы избегала.

Таковым могло быть впечатление любого, кто в этот момент посмотрел бы на нее, и кто знал о страшных событиях, через которые она так недавно прошла, но мы можем уберечь наших читателей от мучительных предположений.

Мы уже обнаружили их любовь к Флоре Баннерворт, и мы уверены, что она на самом деле хороша. Поэтому мы убережем их, даже от нескольких коротких моментов предположения того, что жестокая судьба сделала такую нехорошую вещь, и что эта изящная и прекрасная личность, которую мы так хвалили, потеряла способность рационально мыслить.

Нет, слава Небесам, это не так. Флора Баннерворт не сошла с ума, но под сильным воздействием какого-то странного сна, который нарисовал ей картины, у которых не было реальных причин, и которые просто пришли из просторного царства воображения, она шла вперед от своей комнаты к этому сокровенному месту, где встречалась с тем, кого любила, и слышала самые замечательные правдивые признания в любви и обещания верности, из тех которые когда-либо сходили с человеческих уст.

Да, она сейчас спит, но очень напоминая лунатика, который движется так же странно, она медленно ступала по хорошо знакомым тропинкам, и конечно по направлению к той летней беседке, где, и ее сны не сказали ей об этом, лежал пригнувшись тот самый отвратительный призрак ее воображения, сэр Френсис Варни.

Тот, кто встал между ней и радостью ее сердца, кто разрушил всю надежду на счастье, и кто превратил всю ее любовную привязанность в очень большую тревогу.

О! Могла ли она представить хоть на мгновение, что он был там, и с каким страшным усилием бы она бросилась назад к убежищу из тех стен, где бы она наконец нашла защиту от объятий этого страшного вампира, и где бы ее приветствовали дружественные сердца, которые бы смело встали между ней и любой злой мыслью.

Но она не знала этого и шла вперед, пока край ее одежды не коснулся лица сэра Френсиса Варни. Он испугался не решился двинуться, он не решился заговорить. Мысль о том, что она умерла и это был ее дух, пришедший отомстить ему, в это время овладела им, и он был настолько парализован страхом, что не мог ни двигаться, ни говорить.

Было бы хорошо, если бы во время этого транса нерешительности, до которого довело его его трусливое сердце, Флора бы покинула это место, и повернула к дому. Но, к несчастью, такая мысль у нее не возникла. Она села на грубо отесанную лавку, где она когда-то отдыхала, когда Чарльз прижимал ее к своему сердцу, и от воспоминаний о той несчастной любви, самым нежным и самым мелодичным тоном она сказала:

– Чарльз! Чарльз! Ты до сих пор любишь меня? Нет, нет, ты не покинул меня. Спаси меня, спаси меня от вампира!

Она вздрогнула и сэр Френсис Варни услышал как она рыдает.

«Какой же я дурак, что так испугался. – пробормотал он, – Она спит, и быть может, это возможность дальнейшего усиления опасения моих визитов, который сделают поместье Баннервортов еще более ужасным местом жительства для нее, и, я это хорошо знаю, если она уедет, уедут они все.

Дом будет заброшен, а это то, что мне нужно. Дом будет иметь такую жуткую репутацию, что никто кроме меня, того кто создал эту репутацию, не решится войти в него: дом, о котором все благодаря предрассудкам будут думать, что он изобилует призраками, дом, по общему мнению, оставленный вампиру. Да, он станет моим собственным. Подходящее место жительства для меня пока. Я поклялся, что он будет моим, и я сдержу клятву, небольшой пример того, как я исполняю клятвы.»

Он поднялся и медленно двинулся ко входу в летний домик, ему очень хотелось, чтобы Флора не заметила как он подошел к той грубо отесанной лавке, где она сидела.

Там он встал, верхняя часть его костлявой и отвратительной фигуры была теперь ясно различима, потому что небо стало гораздо светлее, так, чтобы, если бы Флора Баннерворт не была в сонном трансе, в котором она на самом деле была, то один единственный взгляд вверх дал бы ей увидеть этого омерзительного случайного соседа в этом когда-то очень любимом месте, месте, до настоящего времени вызывавшем только самые лучшие и благородные чувства, но теперь обреченном всегда ассоциироваться с этим жутким дурным предчувствием безысходности.

Но она не была в состоянии увидеть это страшное зрелище. Ее руки закрывали лицо, и она все еще рыдала.

«Конечно он любит меня, – прошептала она, – он говорил, что любил меня, и он говорил так не зря. Он все еще любит меня, и я опять увижу его лицо, о Небо! Чарльз! Чарльз! Ты придешь еще? Конечно, они грешат против божественности любви говоря, что ты меня не любишь!»

«Ха! – промямлил Варни, – это увлечение у нее первое и сильно удерживается в ее молодом сердце, она любит его, но что мне до людских привязанностей?»

Я не имею права записывать себя в огромный список людей. Я не выгляжу как житель земли, хотя я живу на ней. Я никого не люблю, не жду любви ни от кого, но я сделаю людей своими слугами, и неискренние словоизлияния тех, кто ненавидит меня в своих сердцах, будут такой приятно звякающей музыкой для моих ушей, как будто они искренни! Я поговорю с этой девушкой, она не сумасшедшая, хотя возможно она и сумасшедшая.»

После того как Варни приблизился на два шага к прекрасной Флоре, в его лицо был направлен адский взгляд сконцентрированной ненависти.

Глава 2

Угроза. – Ее последствия. – Спасение и опасность для сэра Фрэнсиса Варни.

Сэр Френсис Варни сейчас опять остановился, и он, казалось, несколько мгновений злорадствовал над беспомощным положением той, кого он определил для себя как свою жертву. На его лице не было никакого взгляда сострадания, во всем выражении этих адских черт лица нельзя было найти абсолютно ничего человеческого. И если он откладывал попытки вызвать ужас в сердце этого несчастного, но красивого создания, то это делалось не из какого-то чувства сострадания, а просто потому, что он желал дать своему воображению несколько мгновений на то, чтобы подумать, как можно сделать его злодейство более эффективным.

А те, кто бы бросились спасать ее, они, кто были готовы ради нее на все, да, даже были готовы расстаться с жизнью, спали, и не знали об опасности той, кого они так любили. Она была одна, и достаточно далеко от дома, чтобы ее можно было довести до того опасного предела, где кончается здравый смысл, и начинаются мысли о сумасшествии, со всеми ужасами.

Но она все еще спала, если то полусонное состояние можно было рассматривать как что-то схожее с обычным сном, она еще спала, и угрюмо произносила имя своего возлюбленного; и нежным, умоляющим тоном, который бы растопил даже непоколебимые сердца она выражала убеждение своей души, что он все еще любил ее.

Это самое повторение имени Чарльза Голланда, казалось, раздражало сэра Фрэнсиса Варни. Его мимика выразила нетерпение, когда она опять пробормотала его, и тогда, шагая вперед, он встал на расстоянии одного шага от места, где она сидела, и страшным четким голосом сказал:

– Флора Баннерворт, проснись! Проснись! И посмотри на меня, этот взгляд поразит тебя, и приведет в отчаяние. Проснись! Проснись!

Ее пробудил от ее странной дремоты не этот звук голоса. Говорят, что те кто спят таким необычным образом, невосприимчивы к звукам, но самое легкое прикосновение в мгновение разбудит их. Также было и в этом случае, потому что сэр Френсис Варни, когда говорил, положил на руку Флоры два своих холодных пальца, напоминающих пальцы трупа. Сильный крик сорвался с ее губ. Хотя ее память и разум еще не пробудились до конца, она уже проснулась, и состояние лунатизма покинуло ее.

– Помогите, помогите! – кричала она. – Боже мой! Где я?

Варни не говорил, но он вытянул вперед свои длинные тонкие руки так, как будто окружал ее, хотя он и не касался ее, таким образом делая побег делом невозможным, и, чтобы сделать попытку побега, нужно было броситься в его мерзкие объятия.

Она посмотрела на лицо и фигуру того, кто мешал ей двигаться вперед только раз, но, даже этого единственного взгляда было достаточно. Чрезвычайно сильный страх овладел ею, и она сидела как парализованная. Единственным признаком жизни, который она подала были слова: «Вампир, вампир!»

– Да, – сказал Варни, – вампир. Ты знаешь меня, Флора Баннерворт, Варни, вампир; твой полуночный гость на том празднике крови. Я вампир. Посмотри на меня хорошенько. Не сжимайся от моего взгляда. Ты поступишь хорошо, если не будешь отталкивать меня, а поговоришь со мной в таком положении, чтобы я мог полюбить тебя.

Флора дернулась как будто в конвульсии, и она была такой белой как мраморная статуя.

– Это ужасно! – сказала она. – Почему Небеса не дают мне смерть, о которой я молюсь?

– Подожди! – сказал Варни. – Не воображай неправильные вещи, которые сами по себе достаточно ужасны, потому что в них нет любовных отношений. Флора Баннерворт, я преследую тебя, преследую тебя я, вампир. Это моя судьба – преследовать тебя, потому что есть

законы как для видимых, так и для невидимых созданий, которые побуждают также такие существа как я играть свою роль в великой драме бытия. Я вампир, средство к существованию, которое поддерживает такую форму, должно быть извлечено из крови других.

– О ужас, ужас!

– Но больше всего я люблю молодых и красивых. Именно в таких венах как твои, Флора Баннерворт, я ищу средство к существованию, которое я вынужден получить, чтобы пополнить свою истощенную энергию. Но еще никогда за все мои долгие годы, годы, растягивающиеся на столетия, никогда еще я не испытывал мягкого чувства человеческой жалости до тех пор как я посмотрел на тебя, изысканный образец совершенства. Даже в момент, когда живительная жидкость из сильно бьющего фонтана твоих вен согревала мое сердце, я жалел и любил тебя. О, Флора! Даже я могу чувствовать сейчас сильную боль от того, что я – это существо!

Было что-то в его тоне, было немного грусти в поведении, и была глубокая искренность в тех словах, которые в некоторой степени освободили Флору от ее страхов. Она истерично зарыдала, пошел сильный поток слез, который помог ей успокоиться, когда она почти неслышным голосом сказала:

– Да простит Великий Бог даже тебя!

– Мне нужна такая молитва, – заявил Варни, – «Небеса знают, мне нужна такая молитва. Пусть она поднимется на крыльях ночи к трону Небес. Пусть она будет тихо прошептана ангелами-помощниками Господу. Бог знает, мне нужна такая молитва!

– Слова, которые ты говоришь в таком напряжении, – сказала Флора, – успокаивают возбужденное воображение и лишают даже твое ужасное присутствие его сводящего с ума воздействия.

– Тише, – сказал вампир, – ты должна услышать больше – ты должна узнать больше, прежде чем ты заговоришь о вещах, которые только что произвели на тебя ужасное воздействие.

– Но как я сюда пришла? – сказала Флора, – скажи мне это. Какой неземной силой ты принес меня к этому месту? Если я должна была выслушать тебя, почему это нельзя было сделать в каком-нибудь более подходящем месте и в более подходящее время?

– У меня есть силы, – сказал Варни, предполагая, и это позволяли слова Флоры, что она поверит в такую самоуверенность, – у меня есть силы, с помощью которых можно достичь многих целей, которые я желаю, силы, свойственные моему положению, и поэтому я принес тебя сюда, чтобы выслушать то, что должно сделать тебя более счастливой.

– Я буду слушать внимательно, – сказала Флора. – Я уже не трясусь, в моих венах присутствует какой-то ледяной холод, но это всего лишь ночной воздух, говори, я буду слушать тебя внимательно.

– Начну. Флора Баннерворт, я тот, кто был свидетелем того, как изменялись со временем человек и его дела, но я не испытывал жалости. Я видел падения империй, и не вздыхал тяжело, когда многожелающие амбиции превращались в пыль. Я видел могилы молодых и красивых, тех, кому я вынес смертный приговор своей ненасытной жадой человеческой крови задолго до того времени, когда должна кончаться обычная жизнь. Но я никогда не любил до сих пор.

– Разве может такое существо как ты, – сказала Флора, – быть подвержено такой земной страсти?

– А почему нет?

– Любовь или слишком небесная, или слишком земная, находит приют у тебя.

– Нет, Флора, нет! Это, возможно, чувство, которое порождено жалостью. Я сохраню тебя, я сохраню тебя от продолжения ужасов, которые набрасываются на тебя.

– О! Тогда пусть Небеса сжалятся над тобой, когда тебе будет нужно.

– Аминь!

– И пусть ты найдешь мир и радость на Небесах.

– Это слабая и нетвердая надежда, – но если это будет достигнуто, это будет благодаря посредничеству такого духа как твой, Флора, который уже произвел такое благоприятное влияние на мою терзаемую душу, который побудил мое сердце сделать хотя бы одно доброе дело.

– Это пожелание, – сказала Флора, – станет действительностью. Небеса имеют безграничное милосердие.

– Ради любви я буду так сильно верить, Флора Баннерворт; это условие моего ненавистного племени, что если мы находим какое-то человеческое сердце, которое полюбит нас, мы становимся свободными. Если перед Небесами ты согласишься стать моей, ты избавишь меня от продолжения моей страшной судьбы, и благодаря тебе и твоим добродетелям, я еще узнаю райское счастье. Будешь моей?

Облако сошло с лица луны, и наклонный луч света упал на отвратительное лицо вампира. Он выглядел так, как будто был только что вытащен из какого-то склепа, и обладал силами, способными уничтожить всю красоту и гармонию природы и довести какую-нибудь полную предрассудков душу до сумасшествия.

– Нет, нет, нет! – пронзительно закричала Флора, – никогда!

– Достаточно, – сказал Варни, – я получил ответ. Это было плохое предложение руки и сердца. Я все еще вампир.

– Пожалей меня! Пожалей меня!

– Кровь!

Флора опустилась на колени и подняла руки к небесам.

– Помилуй, помилуй! – сказала она.

– Кровь! – сказал Варни, и она увидела его ужасные, подобные клыкам зубы. – Кровь! Флора Баннерворт, страсть вампира. Я просил тебя полюбить меня, но ты отказалась, ты сама виновата.

– Нет, нет! – сказала Флора. – Может быть так, что даже ты, кто уже говорил с рассудительностью и точностью, можешь быть таким несправедливым? Ты должен почувствовать это, во всех отношениях, я была жертвой, это было незаконно, я страдала, хотя мне было не за что страдать. Я была той, кто был мучим не по своей вине, не из-за собственной выгоды, не из-за лжи, не из-за неблагородных чувств, а только потому, что ты посчитал это необходимым для продолжения твоего ужасного существования, атаковать меня так, как ты это сделал. Каким честным, правдивым или справедливым судебным актом я могу быть осуждена за то, что не обняла существо, которое неподконтрольно человечеству? Я не могу любить тебя.

– Тогда довольствуйся страданием. Флора Баннерворт, разве ты не хочешь хотя бы на время спасти себя и спасти меня? Стань моей.

– Ужасная сделка!

– Тогда я буду обречен, возможно, на многие годы, сеять горе и скорбь вокруг себя. Я люблю тебя с чувством, которое наполняет благодарностью и благожелательностью меня больше, чем когда-либо это было у меня в груди. Я бы охотно служил тебе, хотя ты не можешь спасти меня, возможно еще есть шанс, который поможет тебе избежать моего преследования.

– О! Восхитительный шанс! – сказала Флора. – Каким образом это можно сделать? Скажи мне сейчас: как я могу воспользоваться этим, и присутствующий на похоронах с разбитым сердцем, будет благодарен тому, кто спас ее от ее глубокого горя.

– Тогда выслушай меня, Флора Баннерворт, я открою тебе кое-какие особенности мистического существования таких существ как я, которые еще никогда не слышали уши смертных.

Флора напряженно смотрела на него и слушала, когда, с очень серьезной манерой, он рассказал ей в деталях что-то из физиологии уникального класса существ, одним из которых по стечению обстоятельств он казался.

– Флора, – сказал он, – я не очарован существованием, которое может быть продлено только такими пугающими средствами, которые вынуждают меня становиться ужасом для тебя и для других. Поверь мне, что если мои жертвы, которых моя неутолимая жажда крови сделала несчастными, сильно страдают, я, вампир, тоже не избегаю моментов неопишуемой агонии. Но это загадочный закон нашей природы, что когда приближается время, когда истощенные жизненные силы требуют новой поддержки из теплых, бьющих фонтаном чужих вен, сильная жажда жизни овладевает нами до тех пор, пока в приступе дикого безумства, который готов преодолеть все препятствия, людей или богов, мы ищем жертву.

– Пугающее признание! – сказала Флора.

– Это так, и когда смертельная трапеза завершена, пульс опять здорово бьется, и потраченные энергии странного вида и необычайной силы опять наполняют нас, мы опять становимся тихими, но с этим спокойствием приходит и весь ужас, вся агония воспоминания, и мы страдаем гораздо сильнее, чем это можно описать языком.

– Мне жаль тебя, – сказала Флора, – даже такого как ты мне жалко.

– Мне это нужно, если такое чувство присутствует у тебя в груди. Мне нужна твоя жалость, Флора Баннерворт, потому что никогда не ползал презренный жалкий негодяй по круглой земле, такой же достойный сожаления как я.

– Продолжай, продолжай.

– Я продолжу, и буду делать кое-какие короткие выводы. Атаковав однажды какое-нибудь человеческое существо, мы чувствуем странное, но ужасно сильное желание искать ту же персону, чтобы высосать кровь именно из нее. Но я люблю тебя, Флора. Небольшое количество чувственности, которая все еще имеется в моем ненормальном существовании, распознает в тебе чистую и самую возвышенную душу. Я бы с радостью пощадил тебя.

– О! Скажи, как я могу избежать этого ужасного наказания.

– Это может быть достигнуто только бегством. Покинь это место, я умоляю тебя! Покинь это место настолько быстро, насколько это возможно. Не задерживайся, не смотри с сожалением назад на этот старинный дом. Я останусь в этой местности на долгие годы. Позволь мне не видеть тебя, я не буду преследовать тебя. Но, силой обстоятельств, я вынужден оставаться здесь. Отъезд отсюда – это единственный способ, которым ты можешь избежать судьбы, такой же ужасной как та, которую вынужден терпеть я.

– Но скажи мне, – сказала Флора после короткой паузы, в течение которой она, по-видимому, собиралась духом, чтобы спросить какой-то страшный вопрос, – скажи мне, правда ли то, что те, кто подвергаются ужасному нападению вампира, после смерти сами становятся одними из этого страшного племени?

– Это тот способ, – сказал Варни, – которым размножается этот страшный род. Но время и обстоятельства должны помочь развитию нового ужасного существа. Ты, однако, в безопасности.

– В безопасности! О! Скажи это еще раз.

– Да, в безопасности, одно или два нападения вампира – это недостаточное воздействие на твое смертное тело, чтобы стала возможной твоя трансформация в такое существо как он. Нападения должны повторяться часто и прекращение смертной жизни должно быть обязательно прямым следствием нападений, чтобы можно было ожидать такого результата.

– Да, да. Я понимаю.

– Если ты продолжишь быть моей жертвой из года в год, жизненная энергия постепенно будет покидать тебя, и, как какое-то мерцание свечи, отдающей больше энергии, чем

получающей, последний такой несчастный случай заберет твою жизнь, и тогда, Флора Баннерворт, ты можешь стать вампиром.

– О! Ужасно! Очень жутко!

– Если случайно или намеренно, малейшее сияние холодных лучей луны упадет на твои безжизненные останки, ты снова встанешь и будешь одной из нас, ужас для тебя и горе для окружающих.

– О! Я исчезну отсюда, – сказала Флора. – Надежда на избавление от такой жуткой и страшной судьбы заставит меня поспешить. Если бегство может спасти меня, бегство из поместья Баннервортов, я не успокоюсь пока нас не будут разделять континенты и океаны.

– Это хорошо. Сейчас я могу спокойно порассуждать с тобой. Еще несколько коротких месяцев и я начну чувствовать вялость смерти, ползущей по мне, и тогда в мозгах появится безумная страсть, которая, даже если ты будешь скрыта за тройными стальными дверьми, будет опять побуждать меня искать твою комнату, опять поймать тебя в мои объятия, опять высасывать из твоих вен средства к продолжению жизни, опять заставляя эту твою душу дрожать от ужаса.

– Мне не нужны стимулы, – сказала Флора с дрожью, – то, что ты уже рассказал, это меня и без того подгоняет.

– Ты убежишь из поместья Баннервортов?

– Да, да! – сказала Флора, – пусть будет так. Эти хоромы сейчас для меня омерзительны, потому что заставляют вспоминать сцены, происходившие в них. Я попрошу своих братьев, свою мать, всех уехать. И в каком-нибудь дальнем краю мы найдем безопасность и укрытие. Там мы научимся думать о тебе больше с жалостью, чем со злобой, больше с сожалением, чем с упреком, больше с удивлением, чем с ненавистью.

– Да будет так, – сказал вампир. И он сомкнул свои руки, выражая благодарность, что он смог сохранить спокойствие хотя бы одной, которая, вследствие его действий была в полном отчаянии. – Да будет так, и даже я буду надеяться, что эти чувства, которые побудили даже такое жалкое и такое изолированное существо как я постараться принести мир одному человеческому сердцу, будет оправдывать меня перед Небесами!

– Они будут, они будут, – сказала Флора.

– Ты так думаешь?

– Конечно, а я, в таком случае, буду молиться за тебя.

Вампир, по-видимому, был сильно тронут. И тогда он добавил:

– Флора, знаешь, это место было сценой катастрофы в летописи вашей семьи, которую страшно вспоминать.

– Да, – сказала Флора. – Я знаю на что ты намекаешь. Это всем известно, грустная тема для меня, с которой я не могу ничего поделать.

– Я не буду действовать на тебя удручающе этим. Твой отец здесь, на этом самом месте, исполнил тот отчаянный акт, который привел его не званного на суд Божий. Я очень сильно, дико удивляюсь таким вещам. Ты вознаградишь за то добро, которое я пытался сделать тебе?

– Я не знаю что ты имеешь в виду, – сказала Флора.

– Чтобы быть более точным, тогда, ты помнишь тот день, когда твой отец дышал в последний раз?

– Прекрасно помню, прекрасно помню.

– Ты видела его или разговаривала с ним недолго перед тем, как было совершен этот отчаянный акт?

– Нет. Он один закрылся на некоторое время в комнате.

– Ха! В какой комнате?

– В той, в которой я спала в ночь...

– Да, да, та, с портретом, тем говорящим портретом, глаза которого, кажется, просят предъявить пропуск любого вторженца как только он входит.

– В той.

– Был заперт там четыре часа! – добавил Варни задумчиво. – А оттуда он побрел в сад, где, в этом летнем домике, он сделал свое последнее дыхание?

– Это было так.

– Тогда, Флора, прежде чем я скажу тебе адью...

Едва были произнесены эти слова, как послышались быстрые, поспешные шаги, и позади Варни, у входа в этот летний домик, появился Генри Баннерворт.

– Сейчас, – закричал он, – мечь! Сейчас, нечистое существо, пятно на поверхности земли, ужасная подделка человека, если рука смертного может что-то сделать против тебя, ты умрешь!

Пронзительный крик сорвался с губ Флоры и, бросаясь прочь от Варни, который отошел в сторону, она крепко прижалась к своему брату, который указывал мечом на вампира. Это был критический момент, и если Варни не покинул разум, ему следовало бы пасть ниц перед оружием Генри. Но в этот момент он прыгнул на лавку, с которой встала Флора, и в момент сильным ударом своего движущегося тела выбил хрупкую и гнилую доску в стене летнего домика. Еще до того как Генри смог освободиться от объятий Флоры, Варни, вампир, убежал. Не было лучшего шанса поймать его, чем только что подвернувшийся удобный случай, похожий на тот, когда он был тщетно преследуем от поместья до леса, в лабиринтах которого был потерян.

Глава 3

Объяснение. – Совет Маршдела. – Намеченный отъезд и гнев адмирала.

Это предельно неожиданное движение Варни было внезапным и решительным. Генри думал, что после того как он закроет вход в летний дом, Варни, который причинил так много зла ему и его семье, будет лично с ним драться. И то, что Варни мог найти для себя другой выход, определенно не приходило ему в голову.

– Ради Христа, Флора, – сказал он, – отцепись от меня, сейчас нужно действовать.

– Но Генри, Генри, послушай меня.

– Позже, позже, дорогая Флора, я попытаюсь предпринять еще одну попытку поймать стремительно мчащегося Варни.

Он стряхнул ее, возможно не так грубо как нужно было, чтобы она отпустила свою хватку, но с выражением лица, которое ясно указывало, что он хочет освободиться. Затем он выпрыгнул через ту же дыру, откуда исчез Варни, прямо перед тем как Джордж и мистер Маршдел подбежали к двери летнего дома.

Было уже почти утро, так что поля были освещены слабым светом приближающегося дня, и когда Генри достиг места, с которого, он знал, открывался обширный вид, он остановился, и активно пробежался глазами по ландшафту с надеждой обнаружить след беглеца. Но следа не было, он не видел и не слышал сэра Френсиса Варни, тогда он повернулся, и громко позвал Джорджа присоединиться к нему. Подбежали брат и сопровождающий его Маршдел.

Но до того, как они обменялись словами, грохочущий выстрел огнестрельного оружия послышался из одного из окон, и они услышали адмирала, который кричал громким голосом:

– Бортовой залп по борту противника! Стрельни в них еще, Джек! Пальни в борт близко к воде!

Затем последовал еще один грохочущий выстрел огнестрельного оружия, и Генри воскликнул:

– Что значит эта стрельба?

– Она раздается из комнаты адмирала, – сказал Маршдел. – О Господи, я думаю старик сошел с ума. У него шесть или восемь пистолетов, выстроенных в ряд вдоль подоконника, и все заряжены, так что при помощи фитиля они могут прекрасно стрелять как град, который, как он считает, является единственным подходящим средством стрельбы по вампиру.

– Это так, – сказал Джордж, – и, нет сомнений, услышав тревогу, он начал операцию по стрельбе паля во врага.

– Хорошо, хорошо, – сказал Генри, – он должен делать свое дело. Я преследовал Варни до сих пор, и я не сомневаюсь, что он опять спрятался в лесу. Давайте хотя бы сделаем небольшую попытку обнаружить место, где он прячется. Мы знаем местность, так же как и он, вероятно, и я предлагаю начать активные поиски.

– Ну тогда вперед, – сказал Маршдел. – Мы все вооружены, и я лично абсолютно без колебаний заберу жизнь у этого странного существа, если это будет возможно.

– Ты сомневаешься в возможности этого? – сказал Джордж, когда они поспешно двинулись через луга.

– Да, я сомневаюсь. И есть причина. Я уверен, что, когда я стрелял в него в прошлый раз, я попал. Кроме того, Флора должно быть подстрелила его, защищая себя и мать, когда нас не было, и она использовала твой пистолет Генри.

– Да, кажется так, – сказал Генри, – и несмотря на все обстоятельства, если я повстречаю его, я устрою эксперимент: смертен он или нет.

Расстояние было не большим и они быстро достигли леса; после этого они разделились, договорившись встретиться в лесу у источника, который был знаком им всем. А до этого каждый из них должен был постараться обнаружить любого, кто прятался среди кустов и деревьев или в дуплах древних деревьев, на которые они наткнутся в ходе этого марша.

На самом деле этой ночью все было так: Генри, поняв, что он, вероятно, проводит чрезвычайно беспокойную и тревожную ночь, потому что в смятении духа ворочался туда и сюда в кровати несколько часов, наконец встал, и это было мудрым решением, и решил выйти из дому, чтобы прогуляться по садам, окружающим замок, вместо того, чтобы находиться в нервном напряжении и беспокойстве в своей комнате.

С первого страшного визита вампира, у обоих братьев стало привычкой иногда стучать в дверь комнаты Флоры, которая, сменив по ее собственной просьбе комнату, обходилась без того, чтобы кто-то с ней сидел, хотела все же, чтобы иногда к ней стучал и разговаривал с ней кто-то из членов семьи.

Тогда Генри быстро оделся. Проходя мимо ее спальни, хотел постучать в дверь, но обнаружил, что она была не заперта, поспешно открыв ее он увидел, что кровать была пуста, быстро осмотрев всю комнату он убедился, что Флоры в ней нет.

Им овладела тревога, быстро вооружившись он поднял Маршдела и Джорджа, но не дожидаясь их готовности присоединиться к нему, стал рыскать по саду в поисках Флоры.

Таким образом он стал свидетелем странной и неожиданной встречи Варни и Флоры в летнем домике. Что случилось после того, как он их там обнаружил, читатели уже знают.

Флора пообещала Джорджу, что она немедленно вернется в дом, но когда Джордж и Маршдел оставили ее одну, она чувствовала себя настолько взволнованной и ослабшей, что уцепилась за решетку этого маленького сооружения, и оставалась неподвижной несколько мгновений, прежде чем смогла набраться сил, чтобы идти к замку.

Прошло две или три минуты, Флора находилась в таком ментальном замешательстве в связи с тем, что произошло, что она едва могла поверить, что это было наяву, когда неожиданный тихий звук привлек ее внимание и через отверстие, сделанное в стене этого летнего дома, с видом полного самообладания, опять появился сэр Френсис Варни.

– Флора, – сказал он, тихо возвращаясь к разговору, который был прерван, – теперь я полностью убежден, что ты станешь гораздо более счастливой после нашей встречи.

– Боже мой! – сказала Флора, – откуда ты появился?

– Я никуда и не уходил, – сказал Варни.

– Но я видела как ты убежал из этого места.

– Ты видела, но это было для того, кто внезапно появился здесь. У меня и мысли не было прерывать так резко нашу беседу.

– У тебя есть что-то, что ты можешь добавить к тому, что ты уже рассказал?

– Абсолютно ничего, но возможно у тебя есть вопросы, которые ты хочешь задать мне, думаю, они у тебя есть, Флора. У тебя в голове есть еще какие-нибудь вещи, которые сильно тревожат тебя наряду со страшным визитом, который я нанес тебе?

– Да, – сказала Флора. – Что стало с Чарльзом Холландом?

– Слушай. Не теряй надежды; когда ты будешь далеко отсюда ты встретишь его снова.

– Но он бросил меня.

– Но когда вы столкнетесь с ним, он попросит прощения за свое предательство и ты примешь его таким же невинным, каким он был, когда впервые прошептал, что любит тебя.

– О радость, о радость! – сказала Флора. – Этим заверением ты смягчил боль от того, что он сделал, и с лихвой компенсировал мне все причиненные тобой страдания.

– Адью! – сказал вампир. – Теперь я проследую к моему дому другим маршрутом, чтобы избежать тех, кто хочет убить меня.

– Но после этого, – сказала Флора, – для тебя не будет никакой опасности, ты останешься невредимым, а наш отъезд из поместья Баннервортов будет таким скорым, что ты будешь избавлен от всех опасений мести со стороны моего брата, и я опять обрету то счастье, которое, как я думала, покинуло меня навсегда.

– Прощай, – сказал вампир, затем, обворачивая плащ вокруг себя зашагал из летнего дома, и быстро скрылся из виду за кустами и густой растительностью, которой изобилдовал этот сад.

Флора опустила на колени, и произнесла короткое, но прочувствованное благодарение Небесам за это счастливое изменение ее судьбы. Здоровые краски понемногу стали возвращаться на ее щеки и теперь она, чувствуя больше энергии и силы, пошла по направлению к дому. Она испытывала то восторженное чувство, которое разум испытывает, когда страхи-вает стресс, обнаружив, что, воображение обрисовало реальность в гораздо более мрачных тонах, чем она была на самом деле.

После этого вряд ли необходимо говорить, что поиски сэра Френсиса Варни в лесу были непродуктивными, и утро рассвело над братьями и мистером Маршделом без того, чтобы они нашли хоть малейший намек на присутствие Варни. Озадаченные и поставленные в тупик, они стояли у границы леса и грустно смотрели на освещенные окна замка Баннервортов, которые сейчас отражали золотым свечением косые лучи утреннего солнца.

– Опять сбил со следа, – заметил Генри, выражая раздражительность, – опять сбил со следа, и так же удачно как раньше. Я провозглашаю, что я буду драться с этим человеком, пусть наш друг адмирал говорит что хочет против того, что я хочу встретиться с ним в смертельной схватке. Он будет наслаждаться триумфом над всей нашей семьей, если убьет меня, или я избавлю мир и нас от этого страшного типа.

– Будем надеяться, – сказал Маршдел, – что появится другой способ положить всему этому конец.

– Это значит, – сказал Генри, – надеяться на невероятное; каким другим способом можно положить конец? Кем бы ни был этот Варни: человеком или дьяволом, он, очевидно, определил, что мы будем его жертвами.

– В самом деле, есть вероятность этого, – заметил Джордж, – но в любом случае он обнаружит, что нас не так легко победить. Он должен обнаружить, что если мягкий дух бедной Флоры был смущен этими пугающими обстоятельствами, то мы – люди более твердого характера.

– Он обнаружит, – сказал Генри, – я готов отдать жизнь ради этого. Я не буду знать покоя, кроме того, который будет необходим, чтобы восстановиться, пока я не одержу победу над этим монстром. Я не буду искать никаких удовольствий, и изгоню из моего разума все, что может помешать этому занятию. Он или я должен умереть.

– Хорошо сказано, – сказал Маршдел, – и все же я надеюсь, что обстоятельства позволят избежать необходимости таких действий, и, возможно, вы станете мудрее и рассудительнее, чтобы придерживаться более умеренного и безопасного курса.

– Нет, Маршдел, ты не можешь почувствовать то, что чувствуем мы. Ты смотришь на это все как зритель, сочувствуя горю, но ты не чувствуешь сам острую боль от этого горя.

– Ты думаешь мне не тяжело? В целом мире у меня никого нет, и сейчас я очень сильно опечален горем вашей семьи; мои воспоминания о молодых годах помогают мне в этом. Поверьте мне, вы оба, что я не праздный наблюдатель ваших бед, но полностью разделяю их. Если я советую вам быть спокойнее, и стараться придерживаться более спокойных средств достижения ваших целей, это не значит, что я советую вам трусость; но видел в мире гораздо больше того, что позволили увидеть вам ваше время и возможности, я не смотрю так восторженно на вещи, а смотрю с холодной и спокойной рассудительностью, я не говорю, что будет самым лучшим, я просто предлагаю свой совет.

– Мы благодарны тебе, – сказал Генри, – но, кажется, в этом деле требуется решительное действие. Нельзя больше терпеть, чтобы вся семья страдала от такого демона в человеческом образе как Варни.

– Позвольте мне, – сказал Маршдел, – посоветовать вам предоставить решение этого дела на рассмотрение Флоре. Пусть ее желания определяют правила действий. Она страдает больше всех, и она больше всех заинтересована в прекращении этого страшного дела. Более того, в ее характере есть рассудительность и решительность, она посоветует вам правильно, будьте уверены.

– То, что она нам даст неплохой совет, – сказал Генри, – и что мы должны искать любую возможность, чтобы подчинять ее желаниям наши планы, в этом нет сомнений; мало что делается без ее совета и санкции.

Давайте пойдем домой, потому что мне очень не терпится выяснить: как случилось так, что она и сэр Френсис Варни были вместе в этом летнем домике в такой странный час.

Все трое пошли по направлению к дому, разговаривая, по дороге, все с тем же напряжением.

Глава 4

Совещание. – Дуэль и ее результаты.

После этой встречи Флоры с ужасным сэром Френсисом Варни, обстоятельства, в которых оказались она и те, кто был ей дорог, требовали того, чтобы она их хорошенько обдумала, однако способность мыслить долго к ней не возвращалась.

Все неприятности, все, какие только могли разрушить спокойствие, вероятно, произошли с этой семьей. Как в Макбет, их беды пришли в самом деле батальонами, и теперь, когда безмятежность в их доме была уничтожена, мелкие несчастья и раздражения, которые во время безмятежности их не тревожили, сейчас стали гигантскими, и добавились к их затруднительному положению.

Стали возникать беспокойства по поводу маленького дохода, потому что спокойно экономить можно было только в условиях удовлетворенности души, которую может произвести только гармония обстоятельств. Хотя раньше, когда в доме были счастье, здоровье и мир, на это никто не обращал внимания.

Сейчас нельзя было предположить, чтобы бедная миссис Баннерворт, как это было раньше, когда ее разум был свободен от волнений, занималась обычными домашними делами, которые создают комфорт в семье. Расстроенная положением своей дочери и смущенная последовательностью мучительных событий, которые произошли за такой короткий период, она не вела активную жизнь.

Прислуга в испуге убегала из поместья Баннервортов, не желая оставаться под одной крышей с семьей, которую посещает такое страшное существо как вампир.

Среди тех, кто занимает позиции прислуги, безусловно можно найти и таких, которые, несмотря на то, что они понимают и чувствуют все, что происходит, и в горе сочувственно остались бы с семьей, которую они знали и в более счастливые времена.

Но иметь в доме таких как они Баннервортам не посчастливилось, эгоизм делал свое дело, и в конце концов они остались одни. Вряд ли кто-то решился бы пойти работать в такое место без сильного стимула, который, однако, Баннерворты предложить не могли.

Итак, все сложилось очень жестоко: в то самое время, когда им была нужна помощь и сочувствие, эта несчастная семья стала почти изолирована; и было абсолютно ясно, что для них было почти невозможно продолжать жить в поместье с комфортом и пользой для себя.

Исчезновение Чарльза Голланда больше не вызывало склонности считать что он совершил предательство. В конце концов каждый из них и все они поняли, что они не могут противостоять морю проблем, которое окружало их.

Читатель тоже не ошибется, если заметит, что этой семье была присуща гордая независимость, которая не позволяла им жить на чужую помощь; хотя они чувствовали, и не ошибались, что, когда Адмирал Белл, в своей искренней манере, предлагал им финансовую помощь, – это было не пустыми словами, они с обидчивостью отказывались, и спрашивали друг друга: зачем начинать зависимую жизнь, когда и у независимой-то неясные перспективы.

Тем не менее, благородная уверенность Флоры в своем любовнике, которая вызывала уверенность и в братьях, иногда внушала им чувство вероятности того, что они ошиблись; и что Чарльз Голланд, подверженный какому-то внезапному импульсу, представляя свое будущее, увидел, что он в опасности и уехал из поместья, и что он на самом деле писал письма, приписываемые ему.

Мы повторяем, что они сомневались только иногда, потому что их реальные мысли и желания были другими, хотя у мистера Маршдела, которого они могли понять, имелись

свои сомнения, и они не могли не признать, что он мог смотреть на вещи спокойнее и более беспристрастно, чем они.

Фактически, сомнение, с которым он говорил с ними по этому вопросу, убеждало их в его колебаниях, потому что они объясняли его колебание страхом того, что им будет причинена боль, или будут задеты предрассудки адмирала Белла, с которым он уже разговаривал тоном, близким к перебранке.

Визит Генри к мистеру Чиллингворту не принес никаких результатов, кроме предположений. Все, что этот джентльмен мог сделать, – было выразить готовность направиться по их просьбе куда угодно, вместо того, чтобы предложить какой-то план действий в обстоятельствах, которые он не мог оценить так как они, те, кто были в этом месте и были свидетелями тех событий.

А сейчас мы предполагаем, что читатель готов заглянуть вместе с нами в одну из главных комнат замка Баннервортов. Вечер, несколько свечей отбрасывают слабый свет на просторное, некогда красивое помещение. На торжественном совещании собралась вся семья. А также адмирал, мистер Чиллингворт, Маршдел, и еще зашел Джек Прингл, с согласия своего начальника, но с видом, как будто у него было полное право присутствовать здесь.

Поводом для собрания был рассказ Флоры о странном и очень интересном интервью с вампиром. Детали этого интервью произвели глубокое воздействие на всю семью.

Флора на собрании уже выглядела лучше, спокойнее и была более собранной, чем несколько прошедших дней.

Нет сомнений, что беседа, которая была у нее с Варни в летнем-домике в саду рассеяла массу воображаемых страхов, которыми она его окружала, хотя она полностью убедила ее, что он и только он был тем страшным существом, которое причинило столько горя. Тот разговор показал ей, что в нем есть что-то человеческое, и что не было опасности в том, что за ней охотилось такое ужасное создание.

Такое чувство как это, было, естественно, источником глубокого утешения. И более твердым голосом, с большей жизнерадостностью, она еще раз в деталях описала подробности этого разговора всем, кто собрался, сделав вывод, сказав:

– И это дало мне надежду на более счастливые дни. Если бы это было обманом, то счастливым. И сейчас эта пугающая вуаль тайны висит над судьбой Чарльза Голланда, с какой радостью бы я сказала адью этому месту, и всему, что сделало его ужасным. Я почти жалею сэра Френсиса Варни вместо того, чтобы обвинять его.

– Возможно это правильно, – сказал Генри, – до определенных пределов, сестра; но мы никогда не простим того горя, которое он принес нам. Это не так легко – вынудить нас уехать из нашего старого и очень любимого дома, даже если бегство освободит нас от его преследований.

– Но мой молодой друг, – сказал Маршдел, – ты должен вспомнить, что многие люди вынуждены постоянно бежать от зла, которое далеко от того зла, с которым мы столкнулись здесь. Это то, что даст облегчение страдания, если мы не можем полностью от него избавиться.

– Это правильное утверждение, – сказал мистер Чиллингворт, – до определенных пределов, потому что оно многого не принимает в расчет и поэтому не совсем мне нравится.

– Почему, сэр?

– Почему вы уверены, что уехать из поместья Баннервортов – это гораздо меньшее зло, чем остаться в поместье Баннервортов, и быть в опасности того, что за нами охотится вампир. При этом принимается без доказательств предположение о существовании вампиров, во что я никогда не поверю, я повторяю, снова и снова, это противоречит науке, философии и всем законам природы.

– Факты – упрямая вещь, – сказал Маршдэл.

– Несомненно, – заметил мистер Чиллингворт.

– Хорошо, сэр; а здесь как раз мы имеем факт вампира.

– Предполагаемый факт. Одна ласточка не значит лета, мистер Маршдел.

– Это напрасная трата времени, – сказал Генри, – конечно, количество доказательств, достаточное, чтобы убедить одного человека, является недостаточным, чтобы убедить другого. Вопрос в том, что нам делать?

Все взгляды повернулись к Флоре, как будто этот вопрос был особо адресован ей, и ей нужно было, больше чем кому-то другому, ответить на него. Она так и сделала: твердым, четким голосом она сказала:

– Я узнаю судьбу Чарльза Голланда и тогда покину поместье.

– Судьбу Чарльза Голланда! – сказал Маршдел. – Зачем? Разве что если этот джентльмен не захочет общаться на эту интересную тему. Мы можем узнавать его судьбу долго. Я знаю, что это не романтично подвергать сомнению то, что он не писал три письма, найденные на его туалетном столике, и то, что он потом сбежал. Но по-моему, это очень просто принимается за факт. Мне сейчас легче говорить, чем это было раньше, потому что я сейчас накануне своего отъезда. У меня нет никакого желания оставаться здесь, и вызывать разлад в семье, или ссориться из-за чьих-то предрассудков. – Он посмотрел на адмирала Белла. – Я покидаю этот дом сегодня же.

– Ты презренный бестолковый подлец, – сказал адмирал, – чем раньше ты уберешься, тем лучше. Почему ты, плохо выглядящий мерзавец, что ты имеешь в виду? Я думал мы все уладили.

– Я ожидал эту брань, – сказал Маршдел.

– Ты ожидал ее? – сказал адмирал выхватив чернильницу и бросив ею в Маршдела. Чернильница сильно ударила его по подбородку и расплескала свое содержимое на его груди. – Сейчас я тебя удовлетворю, ты, подлец. Провалиться мне на этом месте, если ты не второй Джонс, топящий корабль. Пусть трясется мой шпангоут, если я не скажу сейчас кое-что крепкое.

– Я действительно, – сказал Генри, – должен возразить, адмирал Белл, против такого поведения.

– Возражай и пошел вон.

– Мистер Маршдел возможно прав, сэр, или он может быть неправ, это его мнение.

– О, не обращайтесь внимания, – сказал Маршдел, – я смотрю на этого старого морского хулигана как на что-то среднее между дураком и сумасшедшим. Если бы он был помоложе, я бы его публично высек. Но пока я всего лишь живу надеждой сдать его в какую-нибудь комфортабельную психушку.

– Меня в психушку! – закричал адмирал. – Джек, ты слышал это?

– Да, да, сэр.

– Прощайте все, – сказал Маршдел, – всего наилучшего этой семье. Я не могу оставаться под этой крышей, чтобы меня так оскорбляли.

– Хорошее избавление, – кричал адмирал. – Я лучше проплыву вокруг света на корабле, полном вампиров, чем с таким мошенником и подлецом как ты. Убирайся вон, ты хуже чем юрист.

– Нет, нет, – кричали все, – мистер Маршдел, останьтесь.

– Останьтесь, останьтесь, – кричал Джордж и миссис Баннерворт.

Миссис Баннерворт тоже кричала останьтесь, но в этот момент Флора встала и четким голосом сказала:

– Нет, пусть уходит, он сомневается в Чарльзе Голланде. Пусть уходят все, кто сомневаются в Чарльзе Голланде. Мистер Маршдел, да простят вас Небеса за ту несправедливость, которую вы сейчас делаете. Мы, возможно, больше никогда не встретимся. Прощайте, сэр!

Эти слова были произнесены таким решительным тоном, что никто не возразил им. Маршдел странным образом осмотрел семейный круг и через мгновение ушел.

– Ура! – закричал Джек Прингл. – Хорошо сработано.

Генри выглядел, скорее, обиженным, чего адмирал, однако, не мог видеть, и в беспечной манере, в какой он обычно говорил, старик обратился к нему:

– Послушайте вы, мистер Генри Баннерворт, вы не в восторге от меня, и зная это я не думаю, что останусь здесь, чтобы у вас были со мной проблемы. Что касается вашего друга, который только что вас покинул, он бы сделал это рано или поздно в любом случае, я говорю вам, ничего хорошего в этом парне нет. Вы думаете, что путешествуя по морям и океанам в течение шестидесяти лет я не научился определять: честный человек или нет? Но не берите в голову, я собираюсь поехать поискать своего племянника, а вы поступайте как знаете.

– Только Небеса знают, адмирал Белл, – сказал Генри, – кто прав, кто не прав. Я очень сожалею, что вы повздорили с мистером Маршделом, но что сделано, то сделано.

– Не покидайте нас, – сказала Флора, – позвольте мне попросить вас, адмирал Белл, не покидать нас; ради меня останьтесь здесь, потому что с вами я могу непринужденно и доверительно беседовать о Чарльзе, в то время как я не могу этого делать ни с кем другим. Вы знаете его хорошо и уверены в нем, а другие – нет. Я умоляю вас, поэтому, остаться с нами.

– Только при одном условии, – сказал адмирал.

– Назовите его, назовите его!

– Вы планируете сдавать поместье?

– Да, да.

– Тогда сдайте его мне, и позвольте мне заплатить за несколько лет вперед. Если вы этого не сделаете, хрен я здесь останусь еще хоть одну ночь. Мы должны совершить эту сделку немедленно, и вы должны оставаться здесь как мои гости пока не соберетесь еще куда-нибудь. Вот мои условия. Скажите да, и все будет в порядке, скажите нет, и я вылечу отсюда как круглое ядро из пушки. Будь я проклят если так не будет, скажи, Джек?

– Да, да, сэр.

После этого экстраординарного предложения последовала пауза и наконец они заговорили, сказав:

– Адмирал Белл, ваше великодушное предложение и чувства, которые продиктовали его, слишком очевидны для нас, чтобы притворяться, что мы их не понимаем. Ваши действия, адмирал...

– О, да хрен с ними, с моими действиями! Что вам до них? Слушай меня, я являюсь капитаном этого дома, дурак! Я вас всех приглашаю на обед, на ужин, и на все приемы пищи. Миссис Баннерворт, вы похвалите меня за то, что я, старый дурак, ничего не понимающий в семейных делах, буду покупать то, что хочу для себя и для своих гостей? Вот деньги, мэм. Пойдем, Джек, осмотрим наш новый дом. Что ты думаешь о нем?

– Нужна обшивка, сэр, кое-где.

– Правильно, но тем не менее он подойдет нам, нам здесь будет уютно, ты понимаешь. Пойдем.

– Да, да, сэр.

И адмирал с Джеком вышли, оставив двадцатифунтовую банкноту на коленях у миссис Баннерворт.

Глава 5

Разрозненные оппоненты сэра Фрэнсиса Варни. – Вмешательство Флоры.

Старый адмирал своим великодушием и видимой решительностью своего поведения произвел такое сильное впечатление на семью Баннервортов, что, хотя никто, кроме Флоры, не одобрял его поведения по отношению к мистеру Маршделу, они не могли не любить его. Если бы они стояли перед выбором: кого из двух они бы оставили с собой, адмирала или Маршдела, они бы без всяких сомнений выбрали первого.

Однако, не было приятно то, что такой человек как Маршдел, фактически был изгнан из этого дома за то, что осмелился разойтись во мнениях по очень сомнительному вопросу с другим жильцом. Но так как семья Баннервортов по своей природе всегда склонялась к наиболее великодушному взгляду на вещи, то честная, сердечная уверенность старого адмирала в Чарльзе Голланде нравилась им больше, чем спокойное и серьезное сомнение Маршдела.

Его уловка по найму у них дома, и плата ренты авансом, чтобы дать в их руки финансовые ресурсы на всякий случай, была не менее дружественной, потому что было не трудно догадаться, что он хотел помочь; и они не могли решиться травмировать психику старика отказом от его великодушного предложения.

Когда он вышел, они стали обсуждать этот вопрос между собой, и согласились, что пусть в данной ситуации будет так, как он хочет, хотя они надеялись услышать что-нибудь от Маршдела, что бы сделало его отъезд менее резким и неудобным для всей семьи.

В ходе данного обсуждения Флора узнала подробности того, что Чарльз Голланд перед своим таинственным исчезновением был накануне дуэли с сэром Фрэнсисом Варни.

Когда она узнала все об этом, в ее голове утвердилось мнение, которое раньше ей только иногда приходило на ум, что против Чарльза были применены какие-то бесчестные меры, чтобы он не мог участвовать в дуэли.

– Кто знает, – сказала она, – что этот Варни не сжимается от ужаса, представляя драку один на один с человеческим существом. И он неизбежно чувствовал себя так с Чарльзом Голландом, пока это его чувство не было прервано каким-то действием его самого и или его прислужников, которое отняло у Чарльза жизнь.

– Я не думаю, Флора, – сказал Генри, – что он рискнул бы совершить такой отчаянный поступок. Я не очень верю, что это возможно. Но не бойся, он обнаружит, если он на самом деле совершил такое зверство, что это его все равно не спасет.

Эти слова Генри хотя и не имели в то время особого воздействия на Флору, но, как был убежден Генри, произвели впечатление непоколебимой решимости и того, что он хочет немедленно заняться решением проблемы.

Когда совещание закончилось, ночью, которая уже началась, он, не сказав никому ничего, взял свою шляпу и плащ и пошел из поместья кратчайшим возможным путем к резиденции сэра Фрэнсиса Варни, куда добрался без каких-либо происшествий.

Его не пустили к Варни, но прежде чем он покинул дом, слуга спустился с большой лестницы и сказал, что произошла ошибка и, что сэр Фрэнсис дома и будет рад видеть его.

Его провели в те же апартаменты, где сэр Фрэнсис Варни раньше принимал посетителей; а теперь там сидел общеизвестный вампир, выглядящий бледно и жутко в тусклом свете, который горел в комнате. И в самом деле он был больше похож на призрака из могилы, чем на одного из великого рода человеческого.

– Садитесь, сэр, – сказал Варни, – хотя мои глаза редко имеют удовольствие созерцать вас среди этих стен, будьте уверены – вы почетный гость.

– Сэр Фрэнсис Варни, – сказал Генри, – я пришел сюда не за тем, чтобы обмениваться с вами неуклюжими комплиментами, от меня вы их не услышите и от вас я их слышать не хочу.

– Прекрасное настроение, молодой человек, – сказал Варни, и хорошо передано. Тогда могу я осмелиться, без того, чтобы как-нибудь задеть вашу любезность, поинтересоваться, каким обстоятельствам я обязан за ваш визит?

– Одному, сэр Френсис, с которым, я верю, вы знакомы лучше, чем имеете искренность признать.

– В самом деле, сэр, – сказал Варни холодно, – вы оцениваете мою искренность, возможно, своим собственным стандартом; и в этом случае я не могу с вами спорить; возможно это само по себе обстоятельство, которое не сильно удивляет; но продолжайте, сэр, раз уж между нами и целью визита так мало комплиментов, нам следует в должное время перейти к последней.

– Да, в должное время, сэр Френсис Варни, и это должное время пришло. Вы знаете что-нибудь о моем друге, Чарльзе Голланде? – четко произнес Генри и пристально посмотрел на сэра Френсиса Варни с серьезностью, которая, казалось, хотела сказать, что не нужно прятать взгляд от его наблюдения.

Однако Варни ответил на этот взгляд так же спокойно и холодно, как он отвечал своим сдержанным тоном:

– Я слышал об этом молодом джентльмене.

– И видели его?

– И видел его тоже, о чем вы, мистер Баннерворт, должны прекрасно знать. Конечно, вы проделали этот путь не для того, чтобы просто задать этот вопрос, но, сэр, вы получили ответ.

Гарри боролся со своим растущим гневом, вызванным этими невозмутимыми насмешками Варни; но ему удалось с ними справиться и он сказал:

– Я подозреваю, что с Чарльзом Голландом, сэр Френсис Варни, поступили нечестно, и что это было сделано с подлой целью.

– Несомненно, – сказал Варни, – если с джентльменом, которого вы упомянули, поступили нечестно, то это было с какой-то грязной целью; потому что никакая хорошая или добрая вещь, мой молодой друг, так не добывается, вы это признаете? Я не сомневаюсь.

– Я признаю, сэр Френсис Варни, и отсюда вытекает цель моего визита сюда, по этой причине я обращаюсь к вам...

– Странная цель, основанная на странном ходе мыслей. Я не вижу связи, молодой друг; просветите меня в этом вопросе, и когда вы это сделаете, могу я осмелиться задать вам вопрос, каким образом я смогу быть полезен вам?

– Сэр Френсис, – сказал Генри, его гнев повышал его тон, – это вам не поможет, я пришел, чтобы выяснить, что именно вы сделали с моим другом, и я выясню.

– Спокойно, мой дорогой друг; вы знаете, что я ничего не знаю о вашем друге, его действия – это его действия. А что до того, что я с ним сделал, я могу ответить только, что он бы не позволил мне сделать с ним что-то, даже если бы я хотел.

– Вы подозреваете, сэр Френсис Варни, в покушении на жизнь и свободу Чарльза Голланда; вы фактически подозреваете в том, что вы – его убийца, и, помогите мне Небеса! Если я не получу правосудия, я отомщу!

– Молодой человек, ваши слова крайне дурны и вы должны были спокойно подумать, прежде чем они были произнесены. Что касается справедливости и мести, вы можете добиться и того и другого; но я говорю вам: о Чарльзе Голланде или о том, что с ним стало, я не знаю ничего. Но по какой причине вы пришли именно сюда, чтобы узнать о человеке, о котором я не знаю ничего?

– Потому что Чарльз Голланд должен был драться с вами на дуэли: но до того как наступило время дуэли он внезапно исчез. Я подозреваю, что вы – автор его исчезновения, потому что вы боитесь сходить в бою со смертным.

– Мистер Баннерворт, позвольте мне сказать в мою защиту, что не боюсь ни одного человека, каким бы глупым он ни был. А мудрости я не нашел в вашем друге. Однако, вы должны быть бредите молодой человек, какое-то пылкое безумие овладело вашим разумом, которое искажает...

– Сэр Френсис Варни! – произнес Генри, уже абсолютно неконтролируемый.

– Сэр, – сказал Варни после выдержанной паузы, – продолжайте. Я полон внимания. Окажите мне честь.

– Если, – продолжил Генри, – вашей целью было устранить мистера Голланда, став лично или через посредника убийцей, вы ошиблись в том, что вы достигли вашей цели.

– Продолжайте, сэр, – сказал сэр Френсис Варни вежливым и приятным тоном, – я полон внимания, прошу, продолжайте.

– Вам не удалось, потому что теперь здесь я, на этом месте, вызываю вас на смертную битву. Труса, убийцу такого как ты, я вызываю на бой.

– Вы не имеете в виду здесь на ковре? – сказал Варни медленно.

– Нет, сэр, но под небесным сводом при дневном свете. И тогда, сэр Френсис, мы увидим, кто будет стараться избежать сражения.

– Это в высшей степени хорошо, мистер Баннерворт, и, прося у вас прощения, потому что я не желаю причинять обиду, мой уважаемый друг, это будет повторено публично, короче, сэр, это очень впечатляет.

– Ты уклоняешься от битвы, да? Теперь я вижу твое истинное лицо.

– Молодой человек, молодой человек, – сказал Френсис тихо и медленно качая головой и грусть появилась на его бледном лице, – вы не знаете меня, если вы думаете, что сэр Френсис Варни боится какого-либо человека, тем более такого как вы.

– Ты трус, и хуже, если ты отклоняешь мой вызов.

– Я не отклоняю его, я принимаю его, – сказал Варни тихо и горделиво; и потом, с презрительной усмешкой добавил, – вы хорошо знакомы со способом, которым джентльмены обычно решают такие вопросы, мистер Баннерворт, и возможно я несколько ограничен в своем знании манер мира, потому что вы сами себе и принципал, и секундант, я никогда не встречался с подобным случаем.

– Обстоятельства, при которых брошен вызов тоже необычны и это оправдывает способ, которым вызов брошен, – сказал Генри с большой горячностью.

– Странное совпадение – вызов и способ, которым он брошен, очень необычны! Они очень сходны в этом отношении. Необычны я сказал? Чем больше я об этом думаю, мистер Баннерворт, тем больше я склоняюсь к мысли, что это воистину очень странно.

– Рано утром завтра, сэр Френсис, вы получите информацию от меня.

– В таком случае вы не будете делать предварительные замечания? Хорошо, хорошо; это очень необычно для принципалов – делать это самим; хотя, простите мне мою вольность, я просто подумал, что раз уж вы пошли по этому пути, как далеко вы можете зайти следуя по нему.

– Я сказал все, что я намеревался сказать, сэр Френсис Варни; мы увидим друг друга.

– Не могу вас задерживать, я осмелюсь попробовать что-нибудь вроде отдыха.

Генри ничего не ответил и повернулся к двери, даже не сделав формального поклона, какой сделал сэр Френсис Варни, когда увидел, что он покидает комнату, потому что Генри видел на его бледном лице саркастичную улыбку, на которую было неприятно смотреть, и которая раздражала его, Генри Баннерворта.

Он покинул жилище сэра Френсиса Варни в сопровождении слуги, который был вызван для этой цели колокольчиком своего хозяина.

Генри шагнул домой, удовлетворенный тем, что он сделал все, что он мог в данных обстоятельствах.

– Я пошлю к нему Чиллингворта утром и тогда увижу, чем все это кончится. Он должен встретиться со мной, и тогда Чарльз Голланд, если не будет найден, то хотя бы будет отомщен.

В поместье Баннервортов была еще одна персона, которая приняла такое же решение. Эта персона была очень отлична от Генри Баннерворта, хотя достойная уважения в неменьшей степени.

Это был не кто иной как старый адмирал. Было необычно, что две такие очень разные личности считали необходимыми одни и те же действия, и оба держали их в секрете друг от друга. Но это было так и после мысленного сквернословия он решил лично бросить вызов Варни.

– Я пошлю Джека Прингла, этот матрос урегулирует дело так быстро, как юнга входит в лаг, и, услышав боцмана, свистит, созывая матросов на похлебку, опасаясь, что ему не достанется грог.

– Да разобьется в дребезги моя корма, но сэр Френсис Варни, как он себя обзывает, не сможет ничего сделать против старого адмирала Белла. Он крепкий как стальной трос и подобен клинку, который пройдет насквозь через вампира. Он будет лежать распластавшись. А перед этим я из него сделаю корабельную обшивку. Пересохни мое горло! Что он за длинная, долговязая швабра, с зубами, которые годятся для вытаскивания сплесеня. Но дайте мне посмотреть, смогу ли я сделать чехол из его туши, вампира или не вампира.

Мой племянник, Чарльз Голланд, не мог быть зарезан без чьего-то позволения или разрешения. Нет, нет. Я этого не потерплю. «Никогда не оставляй товарища в беде» – это первое правило моряка, и я не буду им, если я его не выполню.

Так, общаясь сам с собой, старый адмирал маршировал вперед, пока не дошел до дома сэра Френсиса Варни, у ворот которого он дернул колокольчик способом, как он это называл: «долгое дерганье, сильное дерганье, и дерганье вообще», что заставило его неистово звенеть. Такого звона в этом доме еще никогда не слышали.

Едва прошла минута или две, как те, кто был в доме, поспешили на внезапный вызов, и когда ворота открылись, слуга поинтересовался, по какому делу адмирал пришел.

– Что тебе до этого, человек, принадлежащий к низшим слоям общества? Твой хозяин, сэр Френсис Варни, дома? И если он дома, дай ему знать, что старый адмирал Белл хочет говорить с ним. Ты слышишь?

– Да, сэр, – ответил слуга, который несколько мгновений стоял изучая человека, который так странно разговаривал. Через минуту ему было сказано, что сэр Френсис Варни будет очень счастлив видеть адмирала Белла.

– Да, да, – бормотал он, – как дьявол любит встречаться со святой водой, или как я с любой водой, кроме соленой.

Он был быстро представлен сэру Френсису Варни, который сидел в том же положении, в каком его покинул Генри Баннерворт несколько минут назад.

– Адмирал Белл, – сказал сэр Френсис, поднимаясь и кланяясь этому человеку самым любезным, спокойным и величавым способом, какой только можно вообразить, – позвольте мне выразить мое почтение.

– Не надо болтовни.

– Пожалуйста, садитесь. Позвольте мне предложить вам напитки, которые может себе позволить этот бедный дом.

– Какого хрена! Ты знаешь, сэр Френсис, мне не нужны твои лживые слова. Ты как француз, когда его пускаешь на борт он строит гримасы, бросает пыль в глаза, а сам пытается заколоть тебя в спину. О нет! Не надо мне этого.

– Мне не надо было говорить этого, адмирал Белл. Я и сам не люблю этого, я посмею сказать, что вы человек с большим жизненным опытом, который может определить, когда его обманывают.

– Что тебе до этого? Проклятье, я сюда пришел не разговаривать с тобой обо мне.

– Тогда могу я положиться на вашу любезности и попросить вас просветить меня в вопросе о цели вашего визита?

– Да, очень быстро. Просто скажи мне, куда ты упрятал моего племянника, Чарльза Голланда?

– Правда, я...

– Заткнись и выслушай меня. Если он жив, отпусти его и я больше не буду говорить об этом. Это великодушно, ты знаешь. Это не такие условия, какие тебе предложили бы другие.

– Я должен, по правде, признать, что это так; и, более того, они сильно удивляют даже меня, и я научился не удивляться практически ничему.

– Хорошо, ты отдашь его живым? Но, слышишь ты, ты не должен был сильно испортить его, понимаешь?

– Я слышу вас, – сказал сэр Френсис, с саркастичной улыбкой, проводя одной рукой по другой руке, и показывая свои передние зубы специфическим образом, – но я в самом деле не могу понять все это. Однако я могу сказать, что мистер Голланд не является моим знакомым и я не имею ни малейшего представления о том, где он может быть.

– Мне это не подходит, – сказал адмирал категорично, качая головой.

– Мне чрезвычайно жаль, адмирал Белл, что не подходит. Но я больше не могу ничего сказать.

– Я вижу в чем дело, ты его убил, и будь я проклят, если ты не сдашь его целым и невредимым, или я все равно узнаю причину.

– После того, что я вам сказал, адмирал Белл, – тихо сказал в ответ Варни, – сказать что-то еще по этой проблеме не в моих силах, хотя моя готовность помочь такой персоне как ваша очень велика. Но позвольте мне добавить, что это очень странная речь одного джентльмена другому. Вы потеряли родственника, который, очень вероятно, на что-то обиделся, на то, о чем никто кроме него не знает, а вы пришли к тому, кто вряд ли может знать о нем больше, чем вы сами.

– Ложь опять, сэр Френсис Варни, или лучше называть вас Врунни?

– Варни, если вы позволите, адмирал Белл, я крещён как Варни.

– Крещён вы сказали?

– Да, крещён, а вы не были крещены? Если нет, я надеюсь, вы представляете себе эту церемонию.

– Думаю да, но, по поводу крещения...

– Продолжайте, сэр.

– Вампира! Это звучит как заупокойная служба для свиньи.

– Очень возможно, но какое отношение это имеет к визиту ко мне?

– Большое, ты, неуклюжий моряк. Короче, да будет проклят мой каркас от головы до задницы, если я не вызываю тебя на дуэль.

– Что же, адмирал Белл, – сказал Варни мягко, – в этом случае, предположу, я должен принять вызов. Но почему вы так уверены, что у меня есть какая-то информация о вашем племяннике, мистере Чарльзе Голланде?

– Ты должен был драться с ним на дуэли, а потом он исчез.

– И поэтому я, – сказал Варни.

– Да, сказал адмирал, – это ясно как рубашка эконома на ганшпуге. Но это та самая причина, почему мой племянник исчез.

– Но этого явно недостаточно, по крайней мере в соответствии со здравым смыслом, – сказал Варни и при этом не дрогнул ни один из его мускулов.

– Говорят, что существа такие как ты не любят драться со смертными, поэтому ты от него избавился, чтобы он не избавился от тебя.

– Это откровенно, но это ни к чему, потому что я не избавлялся от джентльмена, о котором идет речь.

– Тогда, негодяй, драться буду я. Рыба, плоть или дичь, мне все равно. Без разницы для адмирала Белла. Выйди честный или лживый, для всех я моряк. Моряк всегда готов встретиться с врагом лицом к лицу, тем более с таким как ты, неуклюжий порожденный луной дурень.

– То, что я слышу, адмирал, это вряд ли культурно, по меньшей мере. Однако, поскольку вы человек неординарный, и, надеюсь не имеете в виду то, что говорите, я позволю вам так говорить.

– Мне не нужны позволения, будь проклят ты и твое позволение. Ничего, кроме грога и хороших людей, не может мне позволять что-либо, и я говорю тебе, сэр Френсис Варни, – сказал адмирал в порыве гнева, – что ты грязная неуклюжая собака, и я буду с тобой драться; да, я готов палить из всего: начиная с воздушки и кончая корабельной пушкой. Ты не одолеешь меня своей лживой болтовней, говорю тебе. Ты убил Чарльза Голланда потому что ты не мог встретиться с ним один на один, – вот правда.

– В вашу речь, адмирал Белл, позвольте мне сказать, вы включили серьезное обвинение, которого я так не оставляю.

– Ты будешь драться или нет?

– О да. Я буду счастлив услужить вам любым возможным для меня способом. Я думаю, что это также будет ответом на ваше обвинение.

– Тогда все урегулировано.

– Я не придиричив, адмирал Белл, но обычно принципалы не делают предварительные установки сами. Несомненно вы, с вашей славной карьерой и успехами, знаете кое-что о том, как ведут себя джентльмены в таких случаях.

– О, будь ты проклят! Да, я пришлю к тебе секунданта. Да, да, Джек Прингл будет им, хотя у него не подвязан язык так как у тебя, швабра, но он также хорош как моряк, когда-либо ступавший на палубу или стоявший на борту.

– Любой ваш друг, – вежливо сказал Варни, – будет принят как подобает в данных обстоятельствах, а сейчас, предположу, наша беседа завершена.

– Да, да, все сделано, будь ты проклят. Нет, да, нет. Я протащу тебя под килем, но узнаю что-нибудь о моем племяннике, Чарльзе Голланде.

– До свидания, адмирал Белл.

Когда Варни еще говорил, он позвонил колокольчиком, чтобы вызвать слугу для провождения адмирала из дома. Этот последний, кто сказал гораздо больше, чем собирался, покинул комнату в великой ярости, клянясь про себя, что отомстит сполна за своего племянника, Чарльза Голланда.

Он направился домой, сильно раздосадованный и раздраженный, что с ним разговаривали с таким спокойствием и отрицали, что что-то знают о его племяннике. Когда он вернулся, то поругался с Джеком Принглом, помирился, выпил грог, поругался, помирился, и опять завершил все грогом, затем пошел спать, клянясь, что он хочет бортовым залпом уничтожить сразу всю французскую армию. С этим желанием он заснул.

Рано следующим утром Генри Баннерворт искал мистера Чиллингворта и, найдя его, сказал серьезным тоном:

– Мистер Чиллингворт, я должен попросить вас об одном серьезном одолжении, выполнить которое вы возможно будете отказываться.

– Это должно быть в самом деле очень серьезно, – сказал мистер Чиллингворт, – раз уж я возможно буду отказываться, но прошу, расскажи мне, что это, о чем ты думаешь, что оно такое серьезное.

– Сэр Френсис Варни и я должны встретиться на дуэли, – сказал Генри.

– Ты в самом деле решился на это? – сказал мистер Чиллингворт. – Ты знаешь репутацию своего противника?

– Все уже назначено, – я уже бросил вызов, а он его принял, так что теперь только нужно решить: когда, где и как.

– Я понимаю, – сказал мистер Чиллингворт. – Хорошо, раз уж ты так решительно настроен, я сделаю все необходимое для тебя. Хочешь, чтобы я сделал или настоял на чем то конкретном в этом деле?

– Ничего, в деле с сэром Френсисом Варни я полностью полагаюсь на твой выбор. Я убежден, что он – убийца Чарльза Голланда, с которым он побоялся драться на дуэли.

– Тогда остается всего ничего: договориться о предварительных условиях. Ты готов ко всему остальному?

– Да, ты видишь, что я бросил вызов и теперь он должен драться. Какая случайность может спасти его? Я думаю никакая. Но я уверен, что он попытается использовать все возможности, чтобы избежать сражения один на один.

– И что ты думаешь он будет делать сейчас, когда уже принял твой вызов? – сказал мистер Чиллингворт, – предполагаю, что сбежать он не может.

– Нет, но он принял вызов, который ему бросил Чарльз Голланд, дуэль была неизбежна, и я думаю, что было необходимо его исчезновение, потому что мистер Голланд бы никогда не уклонился от дуэли.

– Я не думаю, что это опасно, – заметил Чиллингворт, – но позволь мне посоветовать тебе быть осторожнее, остерегайся всех, не выходи никуда один.

– Я не боюсь.

– Нет, джентльмен, который исчез, я уверен, тоже был достаточно бесстрашен, но тем не менее это его не спасло. Я не советую тебе бояться, а всего лишь быть осторожнее. Тебе предстоит участвовать в событии, через которое, надеюсь, ты пройдешь, если волею обстоятельств оно не станет ненужным, но будь осторожен и бдителен, потому что ты знаешь, что это за человек.

– Я буду бдителен до этого события, я поверяю себя в ваши руки, вы знаете, это все необходимо.

– Это дело держится в секрете от всей семьи?

– В полном секрете, и останется в полном секрете, я буду в поместье.

– Тут я тебя и увижу, но будь бдителен, не ввязывайся ни в какие приключения, в любых обстоятельствах всегда лучше придерживаться безопасного поведения.

– Я буду предельно осторожен, будьте уверены. Ну, в добрый путь. Повидайте сэра Френсиса Варни как можно скорее, и назначьте дуэль чем раньше тем лучше, и таким образом уменьшите опасность несчастного случая.

– Тогда я пошел. До свиданья.

Мистер Чиллингворт немедленно приступил к выполнению дела, порученного ему; чтобы не терять времени он решил сразу направиться в резиденцию сэра Френсиса Варни.

«В этой семье в последнее время происходят бурные события, – подумал мистер Чиллингворт, – это может привести к финалу, хотя я бы сказал, что они к нему уже пришли. Я абсолютно уверен, что здесь есть какой-то фокус или тайна. Я сделаю это, и тогда увидим, что выйдет. Если сэр Френсис Варни будет драться, а я не вижу в данный момент причины, по которой он не будет этого делать, это скорее лишит его таинственности, которой он окружен. Но если, с другой стороны, он откажется... Хотя это невероятно, потому что

он уже согласился. Однако я боюсь, что такой человек как Варни – опасный противник в бою, он хладнокровен и невозмутим, и это дает ему преимущество в таких вещах. Но нервы Генри тоже неплохи, хотя и расшатаны этими тяжелыми обстоятельствами. Но время покажет, думаю, что все завершится.

С такими мыслями и чувствами, перемешавшимися странным образом, мистер Чиллингворт подошел к дому сэра Френсиса Варни.

* * *

Адмирал Белл спал достаточно крепко, но к утру ему приснился странный сон, что он был реей, а на рее висела странная рыба – что-то из вида русалочьих.

– Хорошо, – произнес адмирал после обычного растирания глаз и разминки, – что дальше? Может я женюсь на акуле, что бы это значило? Я выпил вчера грога, но грог – это составная часть моряка, как говорят газеты, хотя я их никогда не читаю, это какая-то напасть.

Он недолгое время неподвижно лежал думая, как сделать лучше, как поступить, и что значил сон.

– Алло, алло, алло Джек, эй, на борту! На борту! – кричал адмирал, когда он вдруг внезапно вспомнил, что бросил вызов, – Джек Прингл, на борту! Сволочь, где ты! Тебя никогда нет когда ты нужен. О, ты, увалень, на борту!

– На борту! – кричал голос. Открылась дверь и Джек просунул свою голову. – Как настроение, товарищ по кают-компании? Что это за судно?

– О, вы грубый...

Дверь захлопнулась и Джек Прингл ушел.

– Алло, Джек Прингл, ты хочешь изменить своему знамени? Да? Ты, тупая собака.

– Кто говорит, что я покину судно когда оно готово к отплытию?

– Тогда почему ты уходишь?

– Потому что я не хочу, чтобы меня обзывали, я не хуже человека, который всегда драял палубу. Я вернусь на корабль раз уж он готов к отплытию, – сказал Джек.

– Хорошо, заходи и послушай, хрен с тобой.

– Какие будут приказания, адмирал? – сказал Джек, – хотя, когда с нами расплатились...

– Вот, возьми это. Возьмешь? – сказал адмирал Белл, когда кидал подушку в Джека, которая была единственной вещью в пределах досягаемости, которой можно было выстрелить. Джек увернулся, и подушка ударила о мойку, вызывая грохот посуды. Джек сказал:

– На корабле бунт, слышите как гремит груз, вам ее принести?

– Давай. Я грезил, Джек.

– Грезили? Как это?

– Думал о чем-то пока спал, ты, швабра.

– Ха, ха, ха! – смеялся Джек, – никогда ничего подобного не делал в жизни, ха, ха, ха! В чем дело?

– Я скажу тебе, в чем дело, Джек Прингл, ты начинаешь бунтовать, и мне это не нравится. Если ты не придержишь свою челюсть и не подтянешь провисший канат я найду себе другого секунданта.

– Другого секунданта! Что случилось? – сказал Джек. – Это тот самый сон?

– Если я сплю у борта вражеского судна, то это сон; но старый адмирал Белл не тот человек, который спит, когда нужно действовать.

– Это редкая правда, – сказал джек, жуя табак.

– Хорошо, я собираюсь драться на дуэли.

– Драться на дуэли? – произнес Джек. – Стойте, но я не вижу врага, никого среди этих окороков. Джек Прингл может драться, и готов умереть за своего адмирала, но я нигде не вижу врага.

– Ты не понимаешь в чем дело, но я тебе скажу. Я поговорил с сэром Френсисом Варни, и я собираюсь драться с ним.

– Что, с этим вампуком? – удивился Джек.

– Да.

– Хорошо, – сказал Джек, – тогда увидим еще одну битву, даже если мы в ней умрем; но он – странная рыба, он что-то вроде Нептуна.

– Мне наплевать, он может быть чем он хочет, но адмирал Белл не оставит просто так то, что его племянника сжигают и съедают, и высасывают из него все как не знаю из чего, вампиры или любые другие отъявленные земные акулы.

– По порядку, – сказал Джек, – мы не оставим просто так вообще ничего, и раз уж он его убил, мы должны пойти на абордаж и отправить его туда же.

– В этом все и дело, Джек, а сейчас ты должен идти к сэру Френсису Варни и сказать, что ты пришел от меня.

– Я могу сделать все от своего имени, – сказал Джек.

– Не надо. Я уже бросил вызов, и я должен драться.

– После того как это сделаете вы, – продолжил Джек, – если он вас одолеет, то я займу ваше место и буду биться сам.

Адмирал посмотрел на Джека с большим восхищением, и потом сказал:

– Ты отличный моряк, Джек, а он – всадник. Но сейчас иди к нему и скажи, что ты пришел от меня, чтобы определить: когда и где будет проходить дуэль.

– Выбираете драться? – сказал Джек.

– Да, согласен на все, что будет честно, – сказал адмирал, – но пусть все будет максимально скоро. Понял, что я сказал?

– Да, будьте уверены. За то время, что я с вами живу, я прекрасно научился понимать ваш жаргон.

– Тогда сразу и иди; и не дай обесчестить адмирала Белла и старую Англию, Джек. Я уже его, ты знаешь, в любом случае.

– Ничего не бойтесь, – сказал Джек, – вы его победите в любом случае. Я пойду и проверю, не отказался ли он, вампук.

– Тогда отчаливай, Джек, и смотри не светись как корабль-мина, чтобы никто не узнал о том, что происходит, иначе ничего не получится.

– Я не нарушитель спокойствия, – сказал Джек выходя из комнаты, чтобы сразу направиться к сэру Френсису Варни с поручением передать эту важную картель адмирала. Джек старался идти как можно быстрее пока не достиг ворот врага адмирала.

Джек сильно звенел у ворот. Он был неузнаваем сейчас с хладнокровием на лице. Ворота открыл слуга, который поинтересовался, что он хотел:

– Вампука.

– Кого?

– Вампука.

Слуга сдвинул брови и собирался сказать Джеку что-то неприличное, котовый смотрел на него очень пристально и в конце концов сказал:

– О, возможно вы не знаете его, или не знаете его под этим именем. Я хочу видеть сэра Френсиса Варни.

– Он дома, – сказал слуга, – кто вы?

– Тогда проводи меня к нему. Я Джек Прингл, и я пришел от адмирала Белла, я друг адмирала как вы видите, так что не надо таких злых взглядов.

Слуга был удивлен и даже обескуражен обращением Джека. Однако он проводил его в зал, куда совсем недавно прибыл мистер Чиллингворт и ждал встречи с Варни.

Глава 6

Предложение Маршдела. – Совещание в поместье Баннервортов. – Утро дуэли.

Мистер Чиллингворт был сильно раздражен увидев Джека Прингла в зале и Джек был несколько удивлен увидев мистера Чиллингворта там в это утреннее время; однако у них было мало времени на молчаливое изумление, потому что слуга пришел и объявил, что сэр Френсис Варни примет их обоих.

Ничего не сказав слуге и друг другу, они поднялись по лестнице и были проведены в комнату, где их принял сэр Френсис Варни.

– Джентльмены, – сказал сэр Френсис своим обычным вежливым тоном, – рад вас видеть.

– Сэр Френсис, – сказал мистер Чиллингворт, – я пришел по достаточно важному делу, могу я настоятельно попросить отдельной аудиенции?

– И я тоже, – сказал Джек Прингл, – я пришел как друг адмирала Белла, мне нужна частная аудиенция. Но, стойте, сейчас не важно кто я и зачем я пришел; только скажите, что вы готовы назвать время и место, и я замолчу как резная фигура над водорезом корабля. Вот что я хотел сказать. Это все.

– Почему, джентльмены, – сказал сэр Френсис со спокойной улыбкой, – раз уж вы пришли по одному и тому же поручению, то могут возникнуть накладки по поводу того, кто будет первым, так что вам лучше сидеть вместе, чтобы мы могли все решить.

– Я не совсем понимаю это, – сказал мистер Чиллингворт, – вы, мистер Прингл? Возможно вы можете прояснить меня по этому вопросу?

– Если, – сказал Джек, – вы пришли по тому же поручению, что и я, а я по тому же, что и вы, то мы оба пришли по поводу дуэли с сэром Френсисом Варни.

– Да, – сказал сэр Френсис, – то, что говорит мистер Прингл, я думаю, абсолютно точно. Я получил вызов от обоих ваших принципалов, и я готов удовлетворить желания их обоих, если первая битва позволит мне участвовать во второй. Вы, мистер Прингл, знаете о том, что случается на войне?

– Думаю да, – сказал Джек, со смыканием глаз и киванием того же рода. – Я кое-что видел.

– Таким образом, вам обоим необходимо прийти к соглашению. Я не отдаю предпочтения ни одному из вас, и я не могу иметь предпочтения в таком деликатном деле. Продолжайте, господа.

Мистер Чиллингворт посмотрел на Джека, и Джек Прингл посмотрел на мистера Чиллингворта, затем первый сказал:

– Хорошо, адмирал хочет драться, а я пришел установить то, что необходимо; прошу, дайте мне знать, каковы ваши условия, мистер как вас там.

– Я согласен на все, что разумно – пистолеты, возможно.

– Сэр Френсис Варни, – сказал мистер Чиллингворт, – я не могу согласиться продолжить это дело без того, что вы назначите своего друга, который будет выбирать время, место и оружие с нами, или со мной по крайней мере.

– И я тоже, – сказал Джек Прингл, – мы не хотим набрасываться на врага. Адмирал Белл не тот человек, который будет поступать таким образом, а если бы он был таким человеком, то я не тот человек, который бы стал помогать ему делать то, что не честно и не правильно; но он все равно так не сделал бы.

– Но джентльмены, так не должно быть; мистер Генри Баннерворт не должен быть разочарован, и адмирал Белл тоже не должен быть разочарован. Более того, я акцептовал две карты, и я готов и собираюсь драться; по очереди, я полагаю!

– Сэр Френсис, после того, что вы сказали, я, со своей стороны, от имени мистера Генри Баннерворта, вынужден отказаться от встречи с вами, если вы не можете назвать имя друга, с которым я могу обсуждать детали дуэли.

– О! – сказал Джек Прингл, – это правильно. Я помню очень хорошо, когда Джек Мизен дрался с Томом Формастом, у них были секунданты. Адмирал Белл не может действовать подло. Нет, нет, проклятье! Все должно быть честно.

– Джентльмены, – сказал сэр Френсис Варни, – вы видите дилемму, перед которой я оказался. Ваши принципы одновременно вызвали меня на дуэль. Я готов драться с любым, или с обоими, как может получиться. Поймите. Они убеждены в том, что я не буду драться, что я буду избегать дуэли, но я вообще сам не местный, и здесь в округе не знаю никого, кого бы я мог позвать сделать это для меня, потому что никто не рискует посещать меня.

– Тогда ваших знакомых, а не друзей, проклятье! – сказал Джек Прингл, сплевывая через зубы на прутья прекрасной, изысканной решетки.

– Я бы обратился к кому-нибудь, к самому дьяволу, а не просто к вампирам, если бы я был его другом и пил из одного бидона с ним. Они очень неуклюжи и неопытны.

– Я живу здесь недолго, чтобы с кем-нибудь сдружиться, мистер Чиллингворт; но я уверен в чести вашего принципала и встречаюсь с ним открыто и честно.

– Но сэр Фрэнсис, вы забыли тот факт, что действуя таким образом от имени мистера Баннерворта и этот человек от имени адмирала Белла, мы поступаем не так как следует и ставим на карту нашу репутацию, а значит жизни и судьбы. Возможно это ничто, но для нас они – все. Позвольте мне сказать, от своего имени, что я не позволю своему принципалу драться, пока вы не сможете назвать имени секунданта как всегда делают джентльмены в таких случаях.

– Я сожалею, выражая вам мою полную готовность драться, что я не могу по вашей просьбе осуществить то, что совершенно неосуществимо. Даже если мир начнет говорить, что я специально прикрываюсь этим, маскируя свой страх драться.

Последовала пауза, длившаяся несколько мгновений. Мистер Чиллингворт решительно настаивал на том, что он не позволит Генри драться, пока сэр Френсис Варни не назначит друга, и только тогда они смогут действовать на равных. Джек свистел и плевался, жевал и вытаскивал свой табак, дергал свои брюки и задумчиво смотрел то на одного, то на другого, когда наконец сказал:

– Тогда, судя по всему дуэли не будет совсем, сэр Френсис как вас там?

– Кажется так, мистер Прингл, – ответил Варни слегка улыбаясь, – раз уж вы так обходительны по отношению ко мне и так доброжелательны по отношению к адмиралу.

– Почему, все совсем не так, – сказал Джек, – очень жаль останавливать игру в самом начале просто потому, что отсутствует какая-то маленькая деталь.

– Возможно ваш опыт и гениальность позволят нам найти какой-то выход, в соответствии с которым мы бы все и сделали с удовольствием и пользой. Что вы скажете, мистер Прингл?

– Все, что я знаю о гениальности, как вы это называете, – это летучий голландец, или какая-то странная, необычная штука. Но, как я сказал, я не люблю расстраивать игру, так же как и мой адмирал. Нет, мы все честные и порядочные люди.

– Я верю в это, – сказал Варни учтиво кланяясь.

– Вам не нужно двигать своей резной фигурой, помещаемой над водорезом корабля. Я вижу вас насквозь. Как бы там ни было, как я говорю, я не люблю расстраивать игру, и, чтобы обе стороны не были разочарованы, мой принципал будет вашим секундантом, сэр Френсис.

– Что, адмирал Белл? – воскликнул Варни, поднимая брови от удивления.

– Что, дядя Чарльза Голланда? – воскликнул мистер Чиллингворт тоном, выражающим изумление.

– А почему бы и нет? – сказал Джек очень серьезно. – Даю слово, слово Джека Прингла, что адмирал Белл будет секундантом сэра Френсиса Варни в этой дуэли с мистером Генри Баннервортом. Это позволит всему произойти; тогда не будет этого отказа, да? – продолжал Джек Прингл, хитро кивая Чиллингворту.

– Это, я надеюсь, устранил ваши колебания, мистер Чиллингворт, – сказал Варни с учтивой улыбкой.

– Но согласится ли адмирал Белл на это?

– Его помощник говорит, что да, и, кажется, достаточно уверен, что убедит этого человека действовать в соответствии с его обещанием.

– Конечно согласится. Вы думаете, что он человек, который будет упираться? О нет, он будет последним человеком, который подведет Джека Прингла, нет. Можете быть уверены, сэр Френсис, он сделает то, что я говорю.

– После такого заверения я не могу сомневаться в этом, – сказал сэр Френсис Варни, – этот акт вежливости, в самом деле, делает меня очень и надолго обязанным адмиралу Беллу, которого, боюсь, я никогда не смогу отблагодарить.

– Вам не нужно об этом беспокоиться, – сказал Джек Прингл, – адмирал даст кредит, а вы его вернете, когда придет его очередь.

– Я не забуду, – сказал Варни, – он заслуживает большого уважения, но сейчас, мистер Чиллингворт, я предположу, что мы пришли к определенному соглашению на нашей встрече, придя на которую вы оказали мне честь.

– Я против этого не возражаю. Я буду предельно счастлив встретить вашего секунданта и с ним все урегулировать.

– Только подумайте, для того, чтобы прийти к этому потребовалась такая длинная церемония. Будущие свидания могут быть назначены позже; укажите время и место, и после этого мы сможем договориться и об остальном.

– Да, – сказал Джек, – будет достаточно времени, чтобы повидаться с адмиралом. Я ручаюсь, что старый помощник боцмана честный парень, он не будет мошенничать.

– Я удовлетворен, – сказал Варни.

– И я тоже, – сказал Чиллингворт, – но, поймите, сэр Френсис, любая ошибка с секундантами сводит дуэль на нет.

– Я не сомневаюсь в честности мистера Прингла, чтобы думать, что так случится.

– Да будь я проклят, – сказал Джек, – если ты не джокер, и не ошибка природы; это очень неприятно, когда ты вампук.

– Время, мистер Чиллингворт?

– За-завтра, в семь часов? – ответил джентльмен.

– Место, сэр?

– Лучшее место, о котором я думаю – это равнинный луг на пол пути между вашим домом и поместьем Баннервортов, но это на ваше усмотрение, сэр Френсис Варни.

– Я отказываюсь от своего права выбирать место и очень признателен вам, за то, что вы его выбрали; оно кажется самым лучшим из всех, какие можно представить. Я буду пунктуален.

– Тогда я думаю, что нам больше не о чем договариваться, – сказал мистер Чиллингворт.

– Вы встретитесь с адмиралом Беллом.

– Конечно. Я думаю больше ничего делать не нужно; это дело урегулировано очень удовлетворительно и лучше, чем я ожидал.

– Доброго утра, сэр Френсис, – сказал мистер Чиллингворт. – Доброго утра.

– Адью, – сказал сэр Френсис почтительно. – Доброго дня, мистер Прингл, и доверьте мне адмирала, чьи услуги будут для меня бесценны.

– Не упоминайте этого, – сказал Джек, – адмирал – человек, который протянет руку помощи любому в трудный момент, такой как этот. И я даю слово, слово Джека Прингла, что он сделает все, что будет правильно, и он уступит свою очередь мистеру Генри Баннерворту, потому что, как вы видите, он может быть и вторым, подождав немного, это не страшно.

Джек Прингл глубоко поклонился и ушел, за ним последовал мистер Чиллингворт. Вместе они покинули этот дом, чтобы вернуться в поместье Баннервортов.

– Знаете, – сказал мистер Чиллингворт, – я рад, что сэр Френсис Варни преодолел эту трудность – отсутствие секунданта, потому что это будет не правильно или верно – драться на дуэли без секунданта.

– Это не правильно, – сказал Джек, дергая верх свои брюки, – но я боялся, что это бы избавило его от дуэли, а это бы не подошло адмиралу, он бы был вне себя от ярости.

Они отошли от дома сэра Френсиса Варни только на несколько шагов, когда к ним присоединился Маршдел.

– А, – сказал он подходя, – я вижу вы были у сэра Френсиса Варни, как можно судить по направлению, откуда вы идете, и вашему соседству.

– Да, мы были у него, – сказал мистер Чиллингворт. – Я думал, вы покинули эти края?

– Я намеревался сделать это, – ответил Маршдел, – но мысли, приходящие в голову после размышления – лучше, вы знаете.

– Конечно.

– Я испытываю такую дружескую привязанность к этой семье в поместье, что несмотря на то, что я был вынужден покинуть замок, я не могу не быть рядом, пока они находятся в таких обстоятельствах. Я останусь, и посмотрю не появится ли что-нибудь, в чем я смогу быть им полезен.

– Это очень благородно с вашей стороны, вы останетесь здесь на некоторое время, предполагаю?

– Да, несомненно, если мне не покажется, что я должен покинуть это место.

– Я скажу вам, что было, – сказал Джек Прингл, – если бы вы пришли сюда на пол часа раньше, вы бы могли быть секундантом вампука.

– Секундантом?

– Да, мы здесь урегулировали вопросы вызова на дуэль.

– Двойного вызова на дуэль?

– Да, но доверяя вам этот секрет, мистер Маршдел, я надеялся, что вы не будете распространяться по этому делу. Если вы об этом расскажете, то серьезно навредите репутации мистера Генри Баннерворта.

– Я этого не сделаю, можете положиться на меня, но мистер Чиллингворт, вы секундант?

– Да, сэр.

– Мистера Генри?

– Точно, сэр.

– Вы задумывались о возможных последствиях таких действий? Ведь может случиться беда.

– То, на что я решился, мистер Маршдел, я сделаю, о последствиях я подумал достаточно, и тем не менее вы видите меня в качестве секунданта мистера Генри Баннерворта.

– Я рад видеть вас в таком качестве, и я не думаю, что Генри мог найти кого-то достойнее. Это вне всяких сомнений. Меня побудило сделать это замечание то, что если бы я был в замке, вы должны признать, что Генри выбрал бы меня, не хочу вас обидеть, мистер Чиллингворт.

– Хорошо, сэр, и что теперь?

– Я одинокий человек, я могу жить и селиться где угодно, и идти куда угодно, одна страна подойдет для меня не хуже другой. Я ничего не потеряю, но что до вас, то именно вы можете сильно пострадать. Потому что если вы будете секундантом, вас могут лишить права заниматься медициной.

– Я это все понимаю, сэр.

– Я предлагаю, чтобы вы сопровождали стороны на место дуэли как тот, кем вы являетесь, как хирург. А секундантом мистера Баннерворта был бы я.

– Это не может быть сделано без согласия мистера Генри Баннерворта, – сказал мистер Чиллингворт.

– Тогда пойдемте в поместье Баннервортов, найдем мистера Генри, и я попрошу его разрешить мне то, что я только что вам сказал.

Мистер Чиллингворт не мог не признать резонность этого предложения, они были с этим согласны.

– А теперь, – сказал мистер Чиллингворт, – я приведу наших двух принципалов, которые будут так же изумлены, что оба были заняты одним делом, как я изумился, когда нашел, что был послан с одинаковым поручением к сэру Френсису Варни с нашим другом, мистером Джоном Принглом.

– О, не Джон – Джек Прингл, вы имели в виду, – сказал этот человек.

Чиллингворт пошел искать Генри, а найдя послал его в комнату, где мистер Маршдел был с Джеком Принглом, потом нашел адмирала, с нетерпением ожидающего возвращения Джека.

– Адмирал, – сказал он, – как я вижу вам нездоровится этим утром.

– Нездоровится? Будь ты проклят, – сказал адмирал, вскакивая с удивлением. – Кто когда-нибудь слышал, что старый адмирал Белл был больным перед тем как шел в бой? Я заявляю, что это грязная ложь.

– Адмирал, адмирал, я не сказал, что вы больны, просто вы выглядите больным, и немного нервным, или что-то вроде того. Немного бледным, да? Это не так?

– Будь ты проклят, ты думаешь, что мне нужен медицинский осмотр? Говорю тебе, я ничего не чувствую, кроме желания протащить тебя под килем. Мне еще не нужен доктор.

– Ну ладно, адмирал. Внизу вас ждет Джек Прингл. Вы спуститесь к нему? Там есть особенная причина; он должен что-то передать от сэра Френсиса Варни, думаю.

Адмирал с изумлением посмотрел на мистера Чиллингворта и бробормотал себе под нос:

– Джек Прингл предал меня? Нет, нет, он не мог сделать этого, это правда. Я уверен в Джеке. А почему этот сын аптекаря намекает на то, за чем я послал Джека?

Переполненный сомнениями после того, что услышал о Джеке Прингле, он вошел в комнату, где обнаружил Маршдела, Джека Прингла и Генри Баннерворта. Сразу после него в комнату вошел мистер Чиллингворт.

– Я, – сказал он, – был у сэра Френсиса Варни, и там встретился с ним и с мистером Принглом. Когда я нашел, что мы пришли по одному и тому же вопросу, а именно, обсудить детали дуэли по поручению наших принципалов.

Что вы сказали? – спросил адмирал.

– Что? – воскликнул Генри, – он бросил вам вызов, адмирал?

– Бросил мне вызов! – подхватил адмирал Белл, сопровождая свои слова ругательствами. – Я, честно говоря, если на то пошло, я бросил ему вызов.

– Это то же самое, что сделал я, – сказал Генри Баннерворт после недолгого раздумья. – Предполагаю, что мы выбрали одну и ту же линию поведения.

– Это так, – сказал мистер Чиллингворт. – И мистер Прингл, и я, пришли туда, чтобы определить детали дуэли. Но мы обнаружили непреодолимое препятствие для того, чтобы состоялась любая дуэль.

– Он не будет драться все-таки, да? – воскликнул Генри. – Я все понял.

– Не будет драться! – сказал адмирал Белл с грустным разочарованием.

– Будь проклят этот трусливый плут! Скажи мне, Джек Прингл, что это длинный человек на неподходящей работе сказал тебе? Ведь он сказал мне, что будет драться. Почему он стоял как часовой на ветру?

– Вы тоже бросили ему вызов лично, я предполагаю? – сказал Генри.

– Да, будь он проклят! Я ходил туда вчера ночью.

– И я тоже.

– Мне кажется, – сказал Маршдел, – что все было сделано одновременно, но это как-то необычно и странно, как минимум.

– Видите ли, – сказал Чиллингворт, – сэр Френсис Варни был готов драться с обоими, и с Генри, и с адмиралом, как он нам сказал.

– Да, – сказал Джек, – он сказал, что будет драться с обоими, если он будет в состоянии драться со вторым после первого.

– Это было все, что требовалось, – сказал адмирал. – Мы большего и не ожидали.

– Но потом он хотел драться с вами без секунданта; но, безусловно, я не согласился на такое предложение. Ответственность была очень большой. Это бы ставило в неравные условия стороны на дуэли.

– Правильно, – сказал Генри, – это неподходяще, очень неподходяще.

– Очень, – сказал адмирал, – очень. Что это за жуликоватая тварь, во всей стране нет негодяя, который бы мог сравниться с ним.

– Я думал, что было бы жаль испортить все дело, – сказал Джек Прингл. – Было бы жалко, если бы было испорчено благое намерение, и я пообещал этому вампуку, что если он собирается драться, то вы могли бы быть его секундантом, и вы бы ему подошли.

– Что ты сказал? Кто? Я? – произнес адмирал в недоумении.

– Да, это правда, – сказал мистер Чиллингворт. – Мистер Прингл сказал, что вы согласитесь, а потом он дал слово, что вы будете его секундантом на дуэли.

– Да, – сказал Джек. – Вы должны согласиться. Я знал, что вы не дадите сорваться дуэли, и что лучше будет, если дуэль будет, чем ее не будет. Я верил, что вы захотите увидеть драку, так что все организовано.

– Очень хорошо, – сказал адмирал. – Я бы хотел, конечно, чтобы мистер Генри Баннерворт был его секундантом; я думаю, что я должен был драться первым.

– Нет, – сказал Джек, – потому что мистер Чиллингворт пришел туда первым, первым пришел, первым обслужен, вы знаете.

– Хорошо, хорошо, я не должен жаловаться на удачу другого человека; моя еще впереди; но лучше будет так, чем вообще ничего не будет; я буду секундантом сэра Фрэнсиса Варни; он получит честную игру, потому что я адмирал; но, разрази меня гром, он будет драться, да, да, он будет драться.

– Я пришел к тому же выводу, – сказал Генри, – я хочу, чтобы он дрался; я позабочусь о том, чтобы он меня тихо не убрал.

– Есть одна вещь, – заметил Маршдел, – которую я хотел предложить. После того, что произошло, я бы не вернулся, если бы не предчувствие, что предстоит что-то, в чем бы я мог быть полезен моему другу.

– Да? – сказал адмирал перекосив лицо.

– Вот что я собирался сказать: в данной ситуации мистер Чиллингворт может многое потерять, а я не могу потерять ничего. Я не привязан ни к одному месту на земле. Мне не

нужно заниматься какой-либо профессией. Мои средства, я имею в виду, избавляют меня от этой необходимости. Генри, позволь мне быть твоим секундантом в этом деле; позволь мистеру Чиллингворту пойти, только чтобы выполнить свои профессиональные обязанности; он может пригодиться, очень пригодиться одному из принципалов; потому что, если он пойдет туда в любой другой роли, ему придется подвергнуть угрозе свое право работать.

– Это несомненно правильно, – сказал Генри, – то, что вы предложили, это очень хороший план. Что скажете, адмирал Белл, будете работать с мистером Маршделом по этому делу?

– Я? Да, конечно, мне все равно. Мистер Маршдел есть мистер Маршдел, я верю, и это все, о чем я беспокоюсь. Если мы вздорим сегодня, и у нас есть что-то на завтра, то я могу временно забыть о ссоре на следующий день; она подождет, это все, что я могу сейчас сказать.

– Тогда все урегулировано? – сказал мистер Чиллингворт.

– Да.

– Но, мистер Баннерворт, уступая мою роль секунданта мистеру Маршделу, я делаю это только потому, что по общему мнению, мне будет гораздо лучше присутствовать там в другом качестве.

– Конечно, мистер Чиллингворт, и я думаю, что я очень обязан вам за ту быстроту и усердие, с которыми вы действовали.

– Я сделал то, что мог, – сказал Чиллингворт, – потому что я верил, что я был обязан это сделать.

– Мистер Чиллингворт несомненно действовал максимально по-дружески и эффективно в этом деле, – сказал Маршдел. – И он не уступает свое участие в этом деле в качестве секунданта, чтобы избежать того, что он должен сделать для друга, он делает это, чтобы участвовать в той роли, в которой ни один из нас действовать не может.

– Это правда, – сказал адмирал.

– Итак, – сказал Чиллингворт, – вам предстоит завтра утром встретиться на лугу в конце долины на пол пути от сюда к дому сэра Френсиса Варни, в семь часов утра.

Они поговорили еще и договорились, что встретятся завтра рано утром, и что, конечно, это дело должно держаться в тайне. Маршдел в эту ночь должен остаться дома, а адмирал не должен показывать никакого вида. Джек Прингл и адмирал удалились, чтобы обсудить наедине все вопросы.

Генри Баннерворт и Маршдел также удалились. И мистер Чиллингворт через некоторое время удалился, пообещав прибыть вовремя на следующее утро.

Большая часть того дня была проведена Генри Баннервортом в своей комнате, в процессе написания документов и писем разного рода; но к ночи он еще не закончил, потому что был вынужден иногда ходить по дому, показываться на глаза Флоре, чтобы никто ничего не заподозрил.

Маршдел большую часть времени был с ним, и втайне проверял оружие, порох и пули, чтобы все было в порядке к следующему утру, и когда он закончил сказал:

– Теперь, Генри, ты должен позволить мне настоять на том, что ты должен несколько часов отдохнуть, иначе ты будешь вряд ли чувствовать себя в порядке.

– Очень хорошо, – сказал Генри. Я как раз закончил и могу последовать твоему совету.

После долгих раздумий и воспоминаний Генри Баннерворт заснул крепким сном и спал несколько часов в тишине и покое. В ранний час он проснулся и увидел Маршдела, сидящего рядом с ним.

– Время, Маршдел? Я не проспал?

– Нет; времени достаточно, – сказал Маршдел. – Мне нужно было дать тебе поспать подольше, но я думаю, что разбудил тебе как раз тогда, когда было надо.

Стояло пасмурное утро, Генри встал и начал готовиться к сражению. Маршдел тихо заглянул в комнату адмирала Белла, он и Джек Прингл были готовы.

Шепотом было сказано несколько слов и вся группа покинула поместье настолько бесшумно, насколько это было возможно. Было тихое утро, с утра еще было холодно, солнце только поднималось на востоке. Было достаточно времени, чтобы добраться до места встречи.

Это была необычная группа, она шла на место дуэли, результат которой имел такое важное значение для тех, кто был вовлечен в нее.

Для нас было бы сложно анализировать разные и противоречивые эмоции, которые переполняли груди разных людей, входивших в группу, надежды и страхи, сомнения и предположения, которые высказывались. Надо отдать должное Генри, он шагал уверенно, с твердым убеждением, чтобы встретиться в смертельной битве с личностью сомнительной и неопределенной природы, никто не мог предугадать, какими способностями она наделена, чтобы защищаться от оружия людей. Его сердце страстно желало вернуть счастье его сестре, и он не колебался.

Надо подчеркнуть, однако, и это можно было заметить, что ужасное и загадочное существо, с которым дуэль была организована так честно и чисто, по той или иной причине, не выказывало никаких склонностей встечаться с оппонентами способом, который, к большому сожалению, используется в обществе.

Но еще предстояло узнать, что было его мотивом: трусость или милосердие. Возможно, он боялся получить смертельное ранение, которое бы положило конец неестественному существованию, которое заставляло дрожать от страха, и, очевидно, старалось себя продлить.

С другой стороны возможно, что понимание своей неуязвимости, или великой силы, способной победить противника, было причиной, по которой он уклонялся от сражений на дуэли, и старался найти так много препятствий в обязательной процедуре организации дуэли.

Хотя сейчас, казалось, уже нельзя было найти способ уклонения от дуэли. Сэр Френсис Варни должен был или драться, или спастись бегством, потому что его окружало слишком много оппонентов. Есть вероятность того, что он обратится к властям, чтобы защитить себя и юридически преследовать тех, кто, безусловно, нанес ему обиду и был опасен для него. Но тогда не было сомнений в том, что обстоятельства всего этого станут публично известны, а в этом случае он приобретет незавидную всемирную репутацию.

Так случилось, что в соответствии с особой позицией семьи Баннервортов, она была очень ограничена в знакомствах и очень не любила выставлять себя на всеобщее обозрение. Когда-то в округе они считались богатыми людьми и на них смотрели как на магнатов, но теперешняя их бедность не привлекала любопытствующих глаз. Сейчас с унылой грустью они жили обособленно и вместо того, чтобы наслаждаться материальными благами, ограничивались малым, такую жизнь выдержал бы не каждый.

Страдала ли их семья за правду, или их одолели неудачи и стерли великолепие с дома их предков, было ли это неизбежным божьим промыслом, — они несли это бремя. Но нужно помнить, что их текущее угнетенное состояние было вызвано ошибками, недостатками и преступлениями некоторых людей их рода.

С развитием событий в нашем рассказе было видно, что знание об этом угнетенном состоянии было распространено только на поместье Баннервортов, окрестные луга и усадьбу сэра Френсиса Варни. Единственным человеком не из этих мест, знающим обо всех обстоятельствах и испытывающим к ним интерес, был мистер Чиллингворт, хирург, который по своей природе, а также по профессиональной привычке, не имел склонности делать чужие дела объектом слухов.

Однако перемена была близка, перемена потрясающего и волнующего характера в Варни, которую он возможно ожидал, но к которой еще не был готов.

Период спокойствия должен был пройти и он должен был стать очень популярен. Мы не будем гадать, а продолжим максимально коротко описывать в деталях эту ужасную дуэль.

Казалось, что Варни сейчас, когда он уже согласился на определенные договоренности по дуэли, не уклонялся от их выполнения и даже малейшим образом не пытался задержать мероприятия, которые могли стать фатальными для него.

Это раннее утро было одним из тех облачных, которые часто бывают в нашем переменчивом климате, в котором даже самый умный метеоролог вряд ли сможет предсказать погоду на следующий час.

Все предметы казались еще слегка темными; и пока еще не было яркого света, не было и четких теней, которые были частью пейзажа. Это лишало ландшафт его обычной красоты.

Таково было положение дел, когда Маршдел сопровождал Генри и адмирала Белла из поместья Баннервортов через сад в направлении леса на холмах, рядом с которым было место, на котором была назначена битва.

Джек Прингл шел ленивым шагом за ними с руками в карманах и выглядел беспечным, как будто он вышел на утреннюю прогулку и вряд ли понимал, куда идет.

Странное искажение его лица и разные необычные выпуклости, которые появлялись на нем время от времени, возможно были результатом жевания табака необычного размера, который он жевал, и у которого был вкус, ужасный для того, для кого такое варварское удовольствие было необычно.

Адмирал строго настрого запретил ему надоедать, иначе он будет обзывать его неуклюжим и не моряком всю оставшуюся жизнь – это наказание было серьезным для Джека, и, поэтому он шел смотреть спор как можно тише, возможно не без надежды, что что-нибудь примет форму повода для объявления войны, что оправдает его злое отношение ко всем.

– Итак, штурман Генри, – сказал адмирал, – давайте обойдемся без праздной болтовни, раз уж мы идем вместе. Не забывайте, что я не на вашей стороне, понимаете. Я был секундантом у двух или трех моих парней в свое время, но если бы кто-нибудь сказал мне: «адмирал Белл, в следующий раз вы пойдете на спокойную небольшую стреляльную вечеринку секундантом вампира», я бы сказал: «вы лжец». Тем не менее, будь я проклят, это так, и вот что я хочу сказать, мистер Генри, что я бы был секундантом даже у француза, лишь бы он стал драться, когда его просят.

– Это великодушно с вашей стороны, – сказал Генри, – с любой стороны.

– Я верю, что это так, – сказал адмирал, – и помни, все, что тебе нужно делать – целиться ниже, но это не мое дело. Да трясется мой шпангоут, мне не следует это тебе говорить, но, будь ты проклят, попади в него если ты можешь.

– Адмирал, – сказал Генри, – я не думаю, что вы соблюдаете даже нейтралитет в этом деле, поддерживая меня вместо вашего товарища.

– О! Да пропади он пропадом. Я не собираюсь дать ему выползти из этого дела жалким притворством, могу тебе сказать. Думаю, мне следовало идти в его дом сегодня утром, но раз уж я сказал, что я никогда больше не пересеку его порог, я этого делать не буду.

– Мне интересно: придет ли он? – сказал мистер Маршдел Генри. – Как-никак, вы знаете, что он может удрать и избежать боя, на который он шел, выдвигая разные препятствия.

– Я надеюсь нет, – сказал Генри, – хотя должен признать, что ваше предположение несколько раз приходило мне в голову. Если, однако, он не встретится со мной, он не сможет выходить из дому, и мы по крайней мере избавимся от него, и всей его мучительной назойливости по отношению к нашему поместью. Я никогда не позволю ему переступить порог моего дома ни как хозяин, ни как съемщик.

– Так не принято, – сказал адмирал, – сдавать дом сразу двум людям, если ты не забыл, что вы его уже сдали мне. Я могу тебе об этом напомнить.

– Ура! – закричал Джек Прингл в этот момент.

– Эй, что с тобой? Кто сказал тебе кричать ура?

– Враг на горизонте, – сказал Джек, – три или четыре стадии на юго-восток.

– Это он, клянусь Юпитером! Прячется за деревьями. Пойдемте, этот вампир более приличный парень, чем я о нем думал. Он хочет, чтобы мы его шлепнули.

Теперь они уже подошли к месту настолько близко, что сэр Френсис Варни, который, как все видели, уже ждал, появился из-за деревьев, одетый в свой мрачный плащ, и, если хотите, выглядел более высоким и более худым, чем он выглядел до этого.

Его лицо было похоже на лицо трупа. Его губы были белыми, и вокруг его глаз были странные розоватые круги, которые придавали всему его выражению лица очень непривлекательный вид. Он переводил взгляд с одного на другого, пока не увидел адмирала, которому он улыбнулся так мрачно и ужасно, что старик произнес:

– Я говорю, Джек, ты, неуклюжий человек, что это лицо подходит для того, чтобы быть резной фигурой, помещаемой над водорезом корабля.

– Да, да, сэр.

– Ты когда-нибудь видел такую мрачную улыбку в своей жизни на какой-нибудь широте?

– Да, да, сэр.

– Ты видел? Ты швабра.

– Я так думаю, сэр.

– Это ложь, и ты это знаешь.

– Очень хорошо, – сказал Джек, – разве вы не помните, когда перед тем как та стальная пуля прошла через вашу голову, оставив прекрасную маленькую щель, весь путь от Бергена до Зума у вас на лице была такая же улыбка.

– У меня не было, ты подлец.

– А я говорю, была.

– Заткнись ради Бога!

– Идите на хрен!

Как далеко зашли бы эти дебаты, которые только что достигли своего кульминационного пункта, если бы адмирал и Джек были одни, сказать тяжело. Но Генри и Маршдел прервали их, так что ссора была на время улажена, чтобы дать место более важным делам.

Варни думал, что той приветственной улыбкой своему секунданту он сделал все, что нужно было сделать. Потому что он стоял там высокий, костлявый и неподвижный, за исключением некоторых редких движений рта и стука зубов, который бы заставил вздрогнуть того, кто бы это услышал.

– Ради Бога, – сказал Маршдел, – не занимайтесь ерундой в такой момент. Мистер Прингл, вам здесь вообще делать нечего.

– Мистер кто? – сказал Джек.

– Прингл, насколько я знаю, – это ваша фамилия? – ответил Маршдел.

– Это так, но меня удивило, что вы называли меня мистером.

Адмирал подошел к сэру Френсису Варни и кивнул ему, что имело вид больше пренебрежения, чем приветствия, на что вампир ответил низким, уважительным поклоном.

– Черт возьми! – пробормотал старый адмирал. – Если бы я так сложил мой позвоночник, я бы его уже никогда не сделал снова прямым. Хорошо, все в порядке. Вы пришли. Это все, что вам оставалось делать, я предполагаю.

– Я здесь, – сказал Варни, – и становится суперэрогацией упоминать то, что я пришел.

– О! Правда? Я никогда не листал словари и поэтому не знаю, что конкретно вы имеете в виду.

– Отойдемте со мной на один момент, адмирал Белл, и я скажу вам, что делать со мной после того как меня застрелят, если это будет моей судьбой.

– Делать с вами! Будь я проклят, если я буду что-то делать с вами.

– Я не ожидаю, что вы будете жалеть меня, вы будете есть.

– Есть?

– Да, и пить как обычно, нет сомнений, несмотря на то, что были свидетелем смерти родственного существа.

– Довольно! Не называй себя моим родственным существом; я не вампир.

– Но вы не знаете, кем вы могли бы быть; а теперь послушайте мои инструкции; раз уж вы мой секундант, вы не можете отказать мне в нескольких дружеских услугах. Идет дождь. Встанем под это древнее дерево и я скажу вам.

Глава 7

Шторм и бой. – Отказ адмирала от своего принцепала.

– Хорошо, – сказал адмирал, когда они были под деревом, на которое, было слышно, падал барабанный дождь, – хорошо, что это?

– Если вашему молодому другу мистеру Баннерворту удастся задеть пистолетной пулей любую часть моего тела так, что это будет опасно для моей жизни, вы не будете беспокоиться обо мне.

– Можете быть уверены, я не буду.

– Отнеситесь к этому легко, как к должному.

– О! Знаешь как легко я отнесусь.

– Ха! Какая очаровательная вещь – дружба! На пол пути отсюда к поместью есть маленький холмик или земельная насыпь. Он вам знаком? Там есть отдельно стоящее дерево, которое растет почти на вершине, с восточной стороны, из семейства пихтовых, которое подобно вееру развернуло свои ветви на фоне голубого неба.

– О! Пропади оно пропадом. Это то проклятое старое дерево, которое растет на вершине холма, его ты имеешь в виду?

– Совершенно точно. Только я более поэтично описал. Луна взойдет сегодня ночью, или скорее завтра утром, в пятнадцать минут пятого.

– Правда?

– Да. И если меня убьют, отнесите меня осторожно к этой насыпи и положите под деревом лицом вверх. Но только сделайте это до того, как взойдет луна. Смотрите, чтобы никто не помешал.

– Приятная работа. За кого ты меня принимаешь? Я говорю тебе, мистер Вампир, или Варни, или как там ваше имя, если вас застрелят, то там, где вы упадете, там вы и останетесь лежать.

– Как нелюбезно.

– Необычно, да?

– Хорошо, хорошо, раз уж вы так решили, то я должен позаботиться о себе другим образом. Я могу так сделать и я так сделаю.

– Заботься о себе как хочешь, потому что я пришел сюда только быть твоим секундантом, чтобы увидеть как мир будет избавлен от тебя, и если это произойдет, это будет правильно, вот и все что я должен с тобой делать, теперь ты знаешь.

Сэр Френсис Варни посмотрел на него со странной улыбкой, и ушел, чтобы сделать необходимые приготовления для немедленного начала дуэли, с мистером Маршделом.

Это было сделано быстро и легко. Договорились, что будет отмеряно двенадцать шагов. По шесть в каждую сторону от одной точки. Шесть шагов должны быть сделаны адмиралом, а другие шесть – Маршделом. Затем они будут тянуть жребий, чтобы определить, на каком конце этой линии будет стоять Варни, сигналом стрелять будет: раз, два, три – огонь!

На эти приготовления понадобилось всего несколько минут; расстояние было отмеряно так, как мы упомянули, и противники были расставлены на своих противоположных позициях, сэр Френсис Варни занял как раз то место, где он с самого начала стоял, рядом с леском и ближе к своей усадьбе.

Было невозможно, чтобы при таких обстоятельствах даже самый смелый и самый невозмутимый из людей не чувствовал, хотя бы в небольшой степени, страха, или волнения. Но, тем не менее, мы должны честно сказать о Генри, что он был действительно отважен как любой настоящий христианин, который бы стоял на ничтожном расстоянии от вечно-

сти. Станный мир чувств и эмоций образовался в его сердце и он не выглядел абсолютно неустрашимым перед будущим, о котором он все же знал, которое, возможно, было так близко. Он так выглядел не потому, что боялся смерти, просто он смотрел с подобающей торжественностью на такую серьезную вещь как перемещение из этого мира в следующий, несмотря на то, что его лицо было бледно, и по нему было видно все, что он действительно чувствовал.

Таковы были внешний вид и поведение смелого, но не беспечного человека. В это время, с другой стороны, сэр Френсис Варни, казалось, был полностью погружен в дуэль, он смотрел на нее и все обстоятельства, связанные с ней с неестественным удовлетворением, как будто он развлекался, а не участвовал в этом лично.

Это было странно после того, как он пытался избежать дуэли, и это было достаточным доказательством того, что трусость не была побуждением того поведения.

Адмирал, который стоял на одном уровне с ним, не мог видеть его выражения, или, возможно, он не хотел на него смотреть. Но другие видели, и они нашли что-то невыразимо неприятное в неестественной удовлетворенности, с которой вампир, казалось, выполнял подготовку к дуэли.

– Уничтожь его, – прошептал Маршдел Генри, – можно подумать, что он в восторге, вместо того, что мы о нем представляли, посмотри, он улыбается.

– Ничего страшного, – сказал Генри, – пусть носит какую хочет маску, мне все равно. И, поскольку Господь – мой судья, я провозглашаю здесь, что если бы я не думал, что я оправдаюсь, поступая так, я бы никогда не поднял руку против этого человека.

– Нет и тени сомнения в твоём оправдании. Застрели его, да хранят тебя Небеса.

– Аминь!

Адмирал должен был дать сигнал стрелять. Он и Маршдел отошли на достаточное безопасное расстояние от шального выстрела. Он начал кричать:

– Вы готовы, джентльмены? Раз.

Они посмотрели друг на друга сурово и каждый зажал в руке пистолет.

– Два!

Сэр Френсис Варни улыбался и смотрел вокруг себя, как будто это было совершенно обычное дело.

– Три!

Варни, казалось, еще посмотрел на небо, прежде чем продолжить дуэль.

– Огонь! – закричал адмирал, и только один выстрел ударил по ушам. Он прозвучал из пистолета Генри.

Все взгляды повернулись на сэра Френсиса Варни, который, очевидно, не стал стрелять, ради какой цели – не понятно, за исключением смертельной – чтобы лучше прицелиться в Генри. Сэр Френсис, однако, казалось, не спешил, а просто улыбался, многозначительно и постепенно поднимая дуло своего оружия.

– Вы слышали слово, сэр Френсис? Я произнес его достаточно громко, я уверен. Я никогда не говорил более четко в жизни. Правда, Джек?

– Абсолютная правда, – сказал Джек Прингл, – зачем ты спрашиваешь такую ерунду? Ты знаешь, что ты кричишь так всегда, когда хочешь грог.

– Ты подонок, я тебе спину исполокую, точно.

– Вы бы так сделали, если бы были на флоте, а там вы никогда не будете, вы давно в отставке, это всем известно.

– Ты неуклюжая деревенщина, ты не моряк; моряк никогда не поднимает бунт против своего адмирала; как бы там ни было, вы слышите, сэр Френсис, мне надоело ждать, когда вы обратите на меня внимание.

Генри внимательно смотрел на Варни, ожидая в любой момент почувствовать его пулю. Мистер Маршдел поспешно заявил, что так не принято. Сэр Френсис Варни не обратил внимания, но продолжал поднимать оружие, пока оно не стало перпендикулярно земле, и тогда он выстрелил в воздух.

– Я не ожидал этого, – сказал Маршдел, когда подошел к Генри, – я думал, что он более точно целится.

– Я тоже, – сказал Генри.

– Да, тебе повезло, Генри, позволь тебя поздравить.

– Не так рано; мы можем стреляться еще.

– Я могу позволить это, – сказал он с улыбкой.

– Вам нужно было стрелять, сэр, в соответствии с обычаем, – сказал адмирал, – так делать не надлежит.

– Что, стрелять в вашего друга?

– О, это все очень хорошо! В данный момент вы мой друг, хоть вы и вампир, и я хочу, чтобы вы стреляли.

– Если мистер Генри Баннерворт желает стреляться еще, я не возражаю и буду стрелять в него, он может тоже стрелять в меня, но это будет бесполезно для него, потому что оружие смертных для меня – это детская игрушка, оно не возьмет меня.

– Но почему? – сказал адмирал.

– Посмотрите сюда, – сказал сэр Френсис Варни, шагая вперед и поднимая руку к своему шарфу, – посмотрите сюда, если мистер Генри Баннерворт будет желать стреляться еще, он может сделать это той же пулей.

– Той же пулей? – сказал Маршдел, подходя поближе. – Та же пуля! Как это?

– Я не верю своим глазам, – сказал Джек, – кто бы мог подумать; вот это да! Какой бы он был подставной мишенью, возглавлял бы отряд, был бы хорошим камикадзе, или брал бы на абордаж.

– Вот, – сказал сэр Френсис, протягивая пулю Генри Баннерворту, – вот пуля, которой вы стреляли в меня.

Генри посмотрел на нее, она была очернена порохом, тогда Маршдел замерил ее и попробовал вставить в пистолет. Он обнаружил, что пуля подходит к пистолету Генри.

– О Небеса, это так! – произнес он, отшагивая назад и глядя на Варни с ног до головы в ужасе и изумлении.

– Будь ты проклят, – сказал адмирал, – если я понимаю это. Почему Джек Прингл, ты, собака, здесь происходят такие странные вещи.

– О, нет, такое происходит часто в некоторых странах.

– Вы будете настаивать на повторных стрельбах или я вас удовлетворил?

– Я буду возражать, – сказал Маршдел. – Генри, это дело не должно продолжаться. Это будет безумием, хуже, чем безумием, драться при таких условиях.

– И я того же мнения, – сказал адмирал. – Я не буду иметь с вами дел, сэр Френсис. Я больше не ваш секундант. Я не рассчитывал на такую игру как эта. Вы можете драться с человеком в медных латах на дне вступления в должность лорд-мэра, или с победителем на коронации.

– Да, – сказал Джек Прингл, – стрелять в вампука – это все равно, что стрелять в спину аллигатору.

– Это решенный вопрос, – сказал мистер Маршдел.

– Нет! – сказал Генри.

– Но почему нет?

– Потому что я не получил его выстрела.

– Небеса не позволили тебе его получить.

– Я не могу с честью покинуть это место без выстрела другого.

– При обычных обстоятельствах это было бы так, но при таких как эти – это вздор. Ты не можешь заслужить честь или уважение с таким противником, это определенно, ты не можешь ничего добиться.

– Так что мы решаем по этому делу? Могу я считать, что я избавлен от обвинения в трусости? – поинтересовался сэр Френсис Варни с холодной улыбкой.

– Более честно, – сказал адмирал, – драться за стеной, чем с человеком которого я могу застрелить так же, как я могу застрелить луну.

– Генри, позволь мне попросить тебя уклониться от продолжения дуэли; это ни к чему хорошему не приведет.

В этот момент издали послышался шум людских голосов; это вызвало короткую паузу, вся группа стояла тихо и слушала. Ворчанье и крики, которые увеличивались вдали были нечеткими и беспорядочными.

– Что может все это значить? – сказал Маршдел, – что-то здесь не то. Не могу представить обычной причины для таких событий.

– Я тоже, – сказал сэр Френсис Варни, смотря с подозрением на Генри Баннерворта.

– С моей стороны я тоже не знаю причину или природу этих звуков.

– Мы можем легко увидеть в чем дело с того бугорка, – сказал адмирал, – а вон и Джек Прингл, он уже там. Что он хочет сказать своими жестами, не могу понять.

Фактом оставалось то, что Джек Прингл, слыша буйство, подумал, что с близлежащей возвышенности он, возможно, увидит причину того, что он называл гамом, и в какой-то степени ему это удалось.

Там было некоторое количество людей разного рода, идущих из деревни, вероятно вооруженных, и кричащих. Джек Прингл подтянул штаны и выругался, потом снял шляпу и закричал адмиралу:

– Разрази меня Юпитер, они опоздали, чтобы испортить игру. Алло! Ура!

– Ты о чем, Джек? – поинтересовался адмирал, когда он подходил тяжело дыша. Почему они вопят?

– Только несколько бездельников и женщин-торговок, которые шатаются как компания пингвинов.

– О! Мои глаза! Разве один залп не заставит их улепетывать, Джек?

– Да, как тех французов, которых вы убили на борту «Большого Громовержца», как вы его называли.

– Я убил их, ты негодяй?

– Да, их было убито около пятисот.

– В них просто стреляли.

– Они были убиты, только вас совесть мучает.

– Ты негодник, ты негодяй! Тебя нужно протащить под килем и хорошенько проучить.

– Да, это вас проучили, и уволили как старую посудину.

– Будь ты проклят, ты, ты, о! Как бы я хотел, чтобы ты был на борту, я бы сделал из твоего тела британский флаг, с множеством красных и синих полос.

– О! Это все очень хорошо. Но если вы не будете двигаться быстро, вас избыют все старые деревенские женщины, это все, что я могу сказать по этому поводу. Вам лучше братья за штурвал и отчаливать, иначе вас протащат под килем.

– Пошел ты...

– В чем дело? – поинтересовался Маршдел, подбежав.

– В чем причина шума, который мы слышали? – спросил сэр Френсис, – какой-то деревенский праздник ворвался спонтанно в эти глухие места?

– Я не могу сказать, в чем причина, – сказал Генри Баннерворт, – но мне кажется, что они идут сюда.

– В самом деле!

– Я тоже так думаю, – сказал Маршдел.

– С какой целью? – поинтересовался сэр Френсис Варни.

– Не с мирной, – заметил Генри, – потому что, насколько я вижу, они идут широким рядом, как будто окружают что-то, или хотят захватить кого-то.

– Это так! Но зачем они идут именно сюда?

– Если бы я знал, я бы сразу сказал причину.

– И они, кажется, вооружены разным необычным оружием, – заметил сэр Френсис, – они хотят напасть на кого-то. Кто тот человек с ними? Он, кажется, возражает, чтобы они шли.

– Кажется это мистер Чиллингворт, – сказал Генри, – я думаю это он.

– Да, – заметил адмирал, – я думаю, что знаю форму этого судна; он сначала был в нашем обществе. Я всегда узнаю корабль, если я его когда-то видел.

– Это правда? – сказал Джек.

– Да, что ты имеешь в виду, а? Дай мне услышать, что ты хочешь сказать против своего капитана и адмирала, ты, мятежная собака; скажи мне, тебе говорят.

– Я скажу, вы думали, что в тумане бьетесь с большим кораблем, сделали около сотни бортовых залпов, а это был всего лишь «Летучий Голландец», или дьявол.

– Ты, проклятая собака...

– Вы знаете, что это было. Возможно это нам только кажется, но я думаю, что так все и было.

– Ты думаешь?

– Да.

– Это бунт: мне с тобой больше нечего делать, Джек Прингл; ты не моряк и не уважаешь офицера. Отворачивай!

– Очень хорошо, вы так сказали, и я уйду, будьте вы прокляты, однако я не хотел уходить.

– Хорошо, зачем тогда быть таким буйным?

– Потому что вы мне надоели.

Крики толпы становились все отчетливее, приближаясь к группе, которая стала вызывать неловкость по этому поводу.

– Можно быть уверенными, – сказал Маршдел, – что мистер Чиллингворт ничего не рассказал о том, что здесь была дуэль.

– Нет, нет.

– Но он должен был быть здесь этим утром, – сказал адмирал. – Как я понимаю, он должен был быть здесь в качестве хирурга, но я его здесь не увидел, а вы?

– Нет, – сказал Генри.

– Но вот он идет в качестве хранителя общественного спокойствия, – сказал Варни холодно, – однако, я верю, что его участие не понадобится, поскольку все дело, предполагаю, урегулировано.

– Покончим с вампиром!

– Что, – сказал адмирал, – как? Что они сказали?

– Если вы будете слушать, они вам скоро все расскажут, я гарантирую.

– Возможно расскажут, но я бы хотел знать сейчас.

Сэр Френсис Варни многозначительно посмотрел на Маршдела, а затем подождал с опущенными глазами, пока не раздались повторные крики.

– Покончим с вампиром! – послышалось со всех сторон, откуда люди быстро подходили к ним и сходились в центр. – Сжечь, уничтожить, убить вампира! Нет вампирам, сжечь дотла, покончить с ним, убить его!

Потом послышался голос мистера Чиллингворта, раздававшийся с большой серьезностью, очень желая уговорить их уменьшить свой пыл и удержаться от насилия.

Сэр Френсис Варни стал очень бледным и взволнованным. Он мгновенно повернулся и не сказав ни слова убежал в лес, который разделял его с домом, еще больше возбуждая людей.

В этой ситуации мистер Маршдел остался неподвижен, но стоял на месте с Генри Баннервортом, адмиралом и Джеком Принглом, пока толпа не приблизилась к ним очень близко, крича и вызывая к мести и казни самых разных способов, какие только можно представить, очень непопулярного вампира.

Оставив на некоторое время приближение этих приведенных в ярость людей, мы, в нескольких словах опишем, как так вдруг случилось, что для Варни появилась такая угроза, которой, казалось бы, не должно было быть.

Мы раньше говорили, что был только один человек, не входящий в круг Баннервортов, который мог рассказать точно, о тех необычных и неопикуемых событиях, которые происходили в поместье; и этим человеком был мистер Чиллингворт, человек, о котором нельзя было подумать, что он станет распускать слухи.

Но увы! У самых лучших людей есть свои слабости, и мы с сожалением вынуждены сказать, что мистер Чиллингворт в этом случае забыл о замечательной осторожности, которая обычно присуща ему, и стал причиной народных волнений, принявших такие размеры.

Из за короткой невнимательности и самонадеянности он сболтнул своей жене. Да, этот действительно умный мужчина, от которого никто не ожидал бы такой ужасной непредусмотрительности, на самом деле рассказал своей жене про вампира. Но человеческая природа такова, и это подкреплено неопровержимыми доказательствами, что в том, в ком мы абсолютно уверены, обнаруживаются слабости, которые мы не могли и предполагать.

Так было и с мистером Чиллингвортом. Это правда, он предупредил жену, что это секрет, и объяснил опасность распускания слухов о Варни, вампире. Но это было все равно, что сказать урагану, что дуть так сильно – это не хорошо. Так было и с просьбой хранить секрет.

Конечно, она сразу стала говорить: «Да кому я могу сказать?» Я что, тот человек, который все всем рассказывает? Когда я кого-нибудь вижу? Только не она, никогда». А потом, когда мистер Чиллингворт вышел как король Таити, она пригласила соседей на чай.

Под торжественные обещания хранить секрет, шестнадцать женщин узнали со всеми интересными подробностями о нападении вампира на Флору Баннерворт, и обо всех доказательствах, уличающих сэра Френсиса Варни в том, что он – кровожадное существо.

Когда разум представляет себе шестнадцать леди, распространивших информацию около двадцати четырем знакомым каждая, мы уже теряемся в арифметике, и вынуждены откровенно признать, что через двадцать четыре часа в городе не было человека, который был бы настолько невежественен, что не был знаком со всеми обстоятельствами.

В то самое утро, на которое была назначена дуэль, на улицах было видно необычное движение. Люди сбивались в небольшие группы и были явно агрессивно настроены. Бедный мистер Чиллингворт! Он один не знал о причинах народных волнений, и пошел спать, удивляясь, что за необычный переполох охватил небольшой ярмарочный город, но так и не смог понять происхождения.

Так или иначе, однако народные массы, которые решили этим утром сделать поход на вампира, подумали, что будет необходимо отблагодарить мистера Чиллингворта, и поэтому большая толпа в ранний час собралась у его дома и сделала три благодарственных громких

крика, которые пробудили его ото сна и вызвали его самое большое удивление своим грохотом.

О, эта хитрая миссис Чиллингворт! Она то прекрасно знала, в чем дело, но притворилась, что не имела понятия, что происходит.

– Господи! – закричал мистер Чиллингворт, когда встал с кровати, что это все значит?

– Все что? – говорила его жена.

– Все что? Ты хочешь сказать, что ничего не слышала?

– Ну, думаю, я слышала что-то вроде чего-то.

– Что-то вроде чего-то? Дом трясся.

– Хорошо, хорошо, не обращай внимания; это не наше дело.

– Да, хотя может быть. Сейчас самое умное – сказать: давай спать. Это что-то, чего я не могу понять. Что-то странное.

– Ну и что тебе до этого?

– Возможно ничего, а возможно, что это и меня касается.

Мистер Чиллингворт выпрыгнул из своей кровати и стал одеваться, этот процесс у него происходил с заметной быстротой, которая была усилена дополнительными двумя или тремя криками толпы внизу. Затем, после временного затишья, громкий голос прокричал:

– Покончить с вампиром, покончить с вампиром!

Истина мгновенно осенила разум мистера Чиллингворта и, поворачиваясь к своей жене, он произнес:

– Я не могу этого понять. Ты распространяешь слухи о сэре Френсисе Варни? Ты вызвала все эти волнения?

– Я слухи? Нет, я никогда! Да, это моя вина. Я это знала раньше. Я знала.

– Но ты должно быть рассказала об этом.

– Кому я должно быть рассказала об этом?

– Ты рассказала или нет?

– Кому я могла сказать?

Мистер Чиллингворт был одет и поспешил вниз. На улицу он вышел в большом отчаянии. Он думал, что сможет рассеять толпу, и еще успеет на дуэль.

Его появление было поприветствовано дополнительными криками, потому что все подумали, что он пришел присоединиться к походу на сэра Френсиса Варни. Он нашел, что собралась гораздо более значительная толпа, чем он себе представлял, и его встревожило то, что многие были вооружены разного рода оружием.

– Ура! – кричал очень полный парень, который, казалось, наполовину был сведен с ума грядущим походом. – Ура, с нами доктор, он расскажет нам все по дороге.

– Ради Бога, – сказал мистер Чиллингворт, – остановитесь! Что вы все собираетесь делать?

– Сжечь вампира, сжечь вампира!

– Стойте, стойте! Это безрассудно. Позвольте мне убедить вас вернуться по домам, или у вас будут крупные неприятности.

Этому совету никто не последовал. Когда они поняли, что мистер Чиллингворт не собирался подбадривать их и одобрять их агрессию, это породило другие крики общественного волнения. Толпы двинулись по длинным беспорядочно разбросанным улицам города по направлению к дому сэра Френсиса Варни.

Правда то, что называется властями города, было встревожено и переполошилось, но нашло себя в таком пугающем меньшинстве, что не было и речи о каких-либо попытках остановить незаконные демонстрации мятежников, так что взбешенные народные массы могли действовать на свое усмотрение. Разбросанной, выглядящей беспорядочно толпой они двинулись из города, клянясь отомстить Варни-вампиру.

Оставив надежду остановить это необузданное шествие толпы, мистер Чиллингворт все же не мог смириться с тем, что он не будет присутствовать при сцене, которая, определенно, была вызвана его неосторожностью, так что он пошел с толпой, стараясь, каждым аргументом, который приходил ему в голову, удержать их от насилия, которого они жаждали. Он также надеялся, что когда они придут к сэру Френсису Варни и не найдут его в доме, как вероятно должно было быть, потому что к этому времени он уже должен будет уйти на встречу с Генри Баннервортом, чтобы драться на дуэли, он сможет уговорить толпу вернуться и воздержаться от их насилия, которое они стремились совершить.

Так это было, подгоняемый множеством людей, несчастный хирург пожинал плоды, и физически, и психологически, своей серьезной ошибки: доверения секрета жене.

Мы хотим, чтобы о нас не думали сейчас, что мы утверждаем как правило без исключений, что нельзя доверять секреты женщинам, потому с начала мира очень хорошо известно, как они их умеют хранить, и с какой восхитительной осмотрительностью, тактичностью, и осторожностью эта прекраснейшая часть человечества ведет себя.

Мы знаем как мало миссис Чиллингворт в мире, и должны только сожалеть, что наш друг доктор в своем супружестве столкнулся с таким примером.

Глава 8

Народные волнения. – Опасность для сэра Френсиса Варни. – Предложение и его последствия.

Таковы были обстоятельства, которые изменили ход всех событий, и из частных и домашних причин глубокого беспокойства выросли в народные волнения, которые, казалось, скорее всего, ввергли все окрестности в самые большие, какие только могли быть, беспорядки.

Но пока мы обвиняем мистера Чиллингворта в том, что он был так неосторожен, что сболтнул секрет такой персоны как Варни-вампира своей жене, мы надеемся, что за короткое время показали, что он пытался исправить ущерб, который он ненамеренно причинил, как только мог.

И сейчас, когда он старался пробраться вперед, так казалось, чтобы опередить всех бунтующих, он на самом деле делал все, что было в его силах, чтобы остановить беспорядки, которые подняли суеверие и страх.

Человеческая натура и вправду наслаждается сверхъестественным, при всем при том, что знание естественных явлений природы у нее ограничено. И в необузданном воображении, которому даются все возможности выдвигать невежественные гипотезы, мы найдем рвение такого рода верить в то, что сверхъестественное – это реальность. Это недалекое и нечеткое предположение о вампирах, происходящее, вероятно, из Германии, распространилось медленно, но коварно, по всему цивилизованному миру.

Ни в одной стране и ни в одном краю нет такого, что бы не имело какого-то отношения к настоящему вампиру, образцом которого был сэр Френсис Варни.

Вурдалак у восточных народов – это не что иное как то же самое существо, слегка измененное традициями и местностью; и сема у скандинавов – это не что иное как вампир, только более примитивное, как результат больного воображения, которое как-то сфантазировало мертвого, бродящего опять среди живых со страшным отличительным признаком разложения и трупности на нем.

В Англии таких сказок практически не было, хотя они рассказывались полуночными гостями, такими как миссис Чиллингворт, когда она разгласила информацию, которую получила, а эта информация стала сырьем для обработки в умах ее слушателей, потом этому уже не было трудно распространиться повсюду.

В таких обстоятельствах невежественные люди всегда делают то, что, как они слышали, кто-то еще делал до них, и в необычайно короткий промежуток времени уместность отлова сэра Френсиса Варни, которая происходила из его вампироподобного существа, и того, что ему необходимо воткнуть кол в тело, была неоспорима.

Увы, бедный мистер Чиллингворт! С таким же успехом мог бы король Канут¹ сдерживать волны океана, с каким мистер Чиллингворт пытался остановить толпу, идущую к дому сэра Френсиса Варни.

Его присутствие было подтверждением всего этого дела. Он тщетно жестикулировал, тщетно просил и умолял их идти обратно и тщетно провозглашал, что вампир будет наказан сполна. И что если кричащая толпа оставит его, он подвергнется более продуманному наказанию.

Те, кто шли впереди толпы не обращали никакого внимания на эти увещевания, а те, кто шел подальше их просто не слышали, и они думали, что он подстрекает толпу к насилию, вместо того, чтобы осуждать его.

¹ Канут, 994-1035, датчанин, король Англии 1017-35, Дании 1018-35 и Норвегии 1028-35.

Итак, эта необузданная толпа достигла дома сэра Френсиса Варни и громко потребовала у его напуганных слуг сказать, где его можно найти. Стук в дверь дома был чудовищным, и, с достойной похвалы страстью не тратить время, без всяких колебаний, пока другие в дверь стучали, кто-то схватил ее. Так что когда приведенные в замешательство и ужасно напуганные слуги открыли дверь, закрыть ее им уже не удалось, и в дом потек непрерывный поток яростных входящих.

– Варни, вампир, Варни, вампир! – кричали сотни голосов.

– Смерть вампиру! Где он? Выведите его к нам. Варни – вампир!

Слуги чуть не померли от ужаса и не могли говорить, когда видели такое шумное собрание искавших их хозяина, когда его так странно называли.

Наконец, один, более смелый, решился заикаясь произнести:

– Дорогие люди, сэра Френсиса Варни дома нет. Он очень рано позавтракал и ушел около часа назад.

Толпа остановилась на мгновение в колебании, потом один из впереди идущих крикнул:

– Кто признает, что он дома? Конечно нет, он где-то прячется; давайте его вытащим!

– Да, вытащить его! Вытащить его! – кричали много голосов. Начали рыскать по всему дому. Через несколько минут все его комнаты были обшарены и были тщательно обысканы все его укромные уголки в надежде обнаружить спрятавшегося сэра Френсиса Варни.

Слуги чувствовали, что с их недостаточными силами, сопротивляться тому, что делала необузданная толпа, будет с любой точки зрения безумством. Поэтому они только наблюдали с удивлением и беспокойством, довольствуясь мысленно тем, что сэр Френсис Варни не будет найден и только делали догадки о том, что будет в результате всех этих насильственных и неожиданных действий.

Мистер Чиллингворт надеялся, что до несчастного объекта народного недовольства то, что происходит, дойдет достаточно быстро, чтобы он успел позаботиться о собственной безопасности.

Он знал, что нарушал обязательство быть на дуэли между Генри Баннервортом и сэром Френсисом Варни, и когда эта мысль пришла к нему на ум, он боялся, что его профессиональные услуги могут быть нужны так или иначе, потому что он знал, или воображал, что знал, что дуэль была вызвана взаимной ненавистью; и он думал, что если дуэли назначают для того, чтобы дойти до какого-то катастрофического результата, то эта будет дуэль будет как раз такой.

Но как он мог уйти отсюда, когда он был окружен и на него смотрели как на собирателя толпы, как он мог надеяться, что за ним не пойдет народ, или что малейшая его попытка предупредить сэра Френсиса Варни не приведет к нему тех, от кого он старался скрыться.

В таком колебательном состоянии был наш медик, жертва самых горьких мыслей, полный самых мрачных опасений, без малейшей возможности что-то изменить в этой разрушительной цепи обстоятельств.

Неудовлетворенная неудачными поисками толпа обыскала дом сэра Френсиса Варни еще два раза с чердака до подвала; после этого, и только после этого, они стали неохотно верить, что слуги должно быть сказали правду.

– Он где-то в городе, – закричал один. – Пойдем обратно в город.

Удивительно, как быстро любая толпа подчиняется любому импульсу. Это абсолютно беспочвенное предложение было достаточным, чтобы повернуть их шаги обратно в том направлении, откуда они пришли. Они действительно беспорядочной колонной прошли пол пути до города, когда их встретил мальчик, чьей профессиональной обязанностью было рано утром пасти овец, и который проинформировал их, что видел сэра Френсиса Варни в лесу, на пол пути между поместьем Баннервортов и его собственным домом.

Это событие опять мгновенно повернуло весь поток и с возобновившимися криками, подхватив с собой мистра Чиллингворта, они быстро приблизились к этому самому месту, где, вероятно, если бы повернули туда немного раньше, увидели бы объект своих подозрений и ненависти.

Но как мы уже писали, приближающаяся толпа была замечена сторонами на месте, где, вряд ли можно это сказать, проходила дуэль. И тогда сэр Френсис Варни бросился в лес, который так удачно оказался рядом, чтобы дать ему возможность укрыться от врагов, и в дебрях которого, с которыми он был несомненно хорошо знаком, у него были неплохие шансы скрыться от преследования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.